

ЭКОНОМИКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Юрьевич Андреев

Экономика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42646528

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга рассказывает о современном развитии проституции в Санкт-Петербурге и Москве, показывает читателю примеры рекламы и маркетинга в этом бизнесе, колоссальное влияние интернета и технологий на проституцию. В контексте событий в России в 2010-е годы роман демонстрирует нелегальную, но высокоразвитую отрасль сферы услуг. Художественно «Экономика» написана в стиле постиронии и делает попытку показать вымывание эмоций из сексуальных контактов. Роман предлагает читателю самостоятельно понять причины выбора денег для обретения сексуальных партнеров мужчинами и женщинами. «Экономика» показывает, что люди в этом бизнесе становятся набором технических характеристик, утрачивая эмоции и эмпатию, но получая аморальную логику и высокую рациональность. Книга содержит отсылки к фильмам, мемам, играм. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Нефть	5
Бизнес-ланч	13
Встреча в «Ямалкоминнефтегазпроме»	20
Няшное бревно	29
Свидание с милфой	36
День рождения ветерана	43
Две Наташи	45
День выборов	51
В отпуске	52
Черный понедельник	57
В самолете	60
Интермеццо 1. Памяти Джекки Коллинз	61
В присутствии	71
Роды коровы	74
Розовая гадость	79
Знакомство с телками в баре	84
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Как-то раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, все же плохое и безобразное, напротив, выступало еще ярче, казалось еще хуже.

Ганс Христиан Андерсен, «Снежная королева»

No, I can't. Anyway, how is your sex life?

Tommy Wiseau, «The Room»

Нефть

Вертолет плавно поднимается вверх от бетонной площадки и летит на юго-восток. Снег в первой половине июня уже почти растаял, но трава еще желтая и бурая. С высоты километра чередование озер с темной водой, островков невысокого леса, болот и пятен коричневого мха напоминает блевотину. День солнечный, на небе ни облачка, озера совсем не дают бликов и вода в них похожа на кофе. Остатки сугробов в тени холмов, ажурные буровые вышки, белые и синие прямоугольные здания на сваях. Факелы выбрасывают оранжевое пламя и оно превращается в черный дым. До горизонта на запад тянутся серебристые блестящие трубы. Здесь добывают нефть. По трубам она идет в порт Приморск Ленинградской области и оттуда танкерами в Европу.

Внутри вертолета свистящий грохот. Напротив сиденья много места занимает топливный бак, на котором неудобно сидеть. Пассажиры расположены полукругом по овалу салона. От входа к хвосту: штурман в наушниках на откидном сиденье, женщина лет 40 из пресс-службы нефтяной компании, два худых эколога частной фирмы в комбинезонах, главный эколог нефтяников в кепке с логотипом компании, бритый инспектор рыбоохраны, загорелый тележурналист с намазанными гелем волосами, его оператор с камерой, я, с фотоаппаратом в руках. Несмотря на жаркую погоду внизу, на ки-

лометровой высоте холодно – в вертолете много щелей, пассажиры часто открывают иллюминаторы и снимают пейзаж. Я застегиваю молнию до верха и из-за шума с трудом слушаю разговор инспектора и главного эколога нефтяников:

– Ра... ше путевку получил, лов... ишь в 10 раз ...льше, а потом ...ришь, что ничего не поймал – и платить не надо! – орет главный эколог.

– Сейчас смотрим прямо на месте, – жуя жвачку, ревет в ответ инспектор, – лишнее забираем. Прав... да, рыба все равнодохнет в сетях. Ну и сетки эти ...тайские с мелкими ячейками, все живое сдирают!

– Сколько там... брать по квоте щас? Я тоже соби... юсь стонять! – вопит один из молодых экологов.

– Одна ...мга! И пять килограммов ...буши в сутки, – голос инспектора тонет в шуме лопастей. – Остальное ...пустить! Сетка чтоб... не 50 метров в длину!

Мне надоедает прислушиваться к воплям пассажиров и я прошу телеведущего сделать несколько моих фоток для аватара «Вконтакте». Я хмурюсь, потом улыбаюсь краем рта, потом стараюсь придать лицу мужественное выражение. Иллюминатор и вид с высоты тоже должны попасть в кадр. В целом мне нравятся 5-6 фотографий из 24, что можно считать отличным результатом, и я удовлетворенно ору, наклонившись к телеведущему:

– Спасибо! А снимешь меня в аэропорту!?

– Нас выпустят хотя бы!?! – орет он.

– Говорят, мы уже почти прилетели в Усинск. Нас выпустят, это точно! – кричу я.

– Конечно, мальчики, выйдем! – верещит пиарщица нефтяной компании. – Чего тут сидеть, заправляться полчаса! Надо ноги размять! Оглянитесь вокруг! Разве здесь не прекрасно!? – она изо всех сил перекрикивает грохот в салоне.

Вертолет летит над густым еловым лесом из низких деревьев. Через час мы летим над высокими елями. Природные биомы сменяются быстро, как в Скайриме. Еще через полчаса вертолет садится на дозаправку в аэропорту близ города из панельных девятиэтажных домов. Это самый северный город в регионе, до которого доходит железная дорога. Здесь конечная станция. Я прошу сделать еще несколько фото в аэропорту на фоне вертолетов и только что прилетевшего Боинга-737 «Ютэйр» из Москвы, но здесь результат мне нравится меньше – волосы слишком сильно развиваются, к тому же от солнца я все время щурюсь и это выглядит некрасиво.

Я внимательно просматриваю свои портреты, пока остальные курят за забором позади летного поля. Я выбираю лучший. На нем нужно только немного повысить контраст, но с этим надо быть осторожным – если пережать, лицо будет слишком красным. В остальном он очень хорош. Через 20 минут вертолет заправлен. Все рассаживаются по своим местам. Раздают бутерброды, которые приготовили в столовой при офисе нефтяной компании. Внизу в лесу дымит серая

свалка, по которой ездят два желтых бульдозера. Еще час полета над густой тайгой и мы заходим на посадку на лугу в деревне с деревянными домами из бревен. Рядом крутой берег реки. В основном нас встречают дачники: женщины и дети, но некоторые говорят, что живут тут постоянно, не только летом. Все толпой идут в сторону свежего деревянного вытянутого барака на станцию разведения сига. Внутри стоят 10 чанов с водой, в которой кишат мальки в сантиметр длиной. Рыба в них не узнается. Их снимает телевидение. Я говорю с начальником станции разведения рыбы.

– Наша личинка уже жрет всюю и готова к самостоятельной жизни! Пора ей на волю, – рывкает мужик с усами.

– Питается активно, – добавляет молодой эколог.

– Сколько стоят эти 35 000 мальков? – спрашиваю я.

– Коммерческая тайна, – эколог нефтяников косится на объектив. – Но мы платим немало. Час полета вертолета стоит больше 120 тысяч рублей. Мы с вами сегодня пролетели уже 4 часа и это лишь треть пути.

Я отхожу к другому чану. Я смотрю на рыбок.

– Компания возводит в тундре объекты капитального строительства. Где-то мосты протягиваем, когда-то строим автодороги и трубопроводы, занимаемся отсыпкой. И все это влияет на реки и озера. Поэтому и биоресурсы испытывают... дискомфорт. Поэтому возмещаем природе ущерб. Подсчитали, выбрали реку, и вперед, аквакультуру пополнять, – рассказывает эколог нефтяников на камеру.

Экологи берут пластиковые мешки с водой и рыбками по 40 литров, накачивают их кислородом и затаскивают в вертолет. Час полета на северо-запад. Вертолет садится и шасси погружаются в мягкий речной берег. Листочки на кустах ивы только распустились.

Добродушная пиарщица нефтяной компании рассказывает мне о своих собаках – овчарке и простой дворняге. Все жуют сэндвичи с ветчиной, сыром и помидорами, закусывают яблоками и круассанами, пьют чай из термосов.

– Мои все в Питере и возвращаться не хотят, – говорит командир воздушного судна.

– Тоже самое. Север им не нужен. Я им здесь деньги зарабатываю, – глотнув из бумажного стаканчика, говорит штурман.

– Еще бы, – обращается ко мне нефтяник, – в авиаотряде по 200 штук платят. Больше, чем у нас, – он кивает на штурмана.

– Смотря кому, – мнется тот.

– Ну так местные линии вообще очень дорогие, – открывшая крышку термоса, говорит пилот. – Логистика, запчасти, страховки. Даже здешние кукурузники Ан-2 на голландском бензине, у нас такой уже не выпускают. Из деревни в деревню по 10 человек возим, билет для каждого получается дороже, чем из Москвы до Доминиканы. И все равно в убыток. Выгодно только вахтовиков нефтянки возить.

– Местный бюджет субсидирует для местных 10-15 тысяч

в каждом билете в зависимости от деревни, – замечаю я.

– Нахуя их тут держать вообще, в деревнях этих? Только бухают. Вахтовым методом севера осваивать как в Канаде и нормально, – говорит рыбный инспектор. – Не должны люди в таких условиях жить.

– Все к тому и идет. Все потихоньку в Москву и Питер и едут, – проглатывая последний кусок бутерброда, говорит главный эколог нефтяной компании.

– И будет огромный Мегасити как в «Судье Дредде», – радостно говорю я.

Никто не смотрел этот фильм. Надо ждать – нельзя так просто спускать рыбу в реку. Мешки опускают в воду, чтобы температура в них постепенно упала до 11 градусов. Потом мешки открывают и рыбу отпускают.

– В добрый путь! Шансы у нее выше, чем в природе. С каждой сотни ждем 10 рыб, – говорит инспектор.

Это тоже снимают на видеокамеру для ТВ, я щелкаю фотоаппаратом. После этого мы садимся в вертолет и улетаем – опять в тот городок на дозаправку. Пилот решает развлечь пассажиров и лихо проходит на большой скорости и малой высоте мимо крутого обрывистого берега реки. Потом летим к себе в аэропорт. После 10 часов непрерывного стрекота у меня весь вечер свистит в ушах.

В час ночи я разгуливаю по светлой пустой трехкомнатной квартире с яблоком в руке. Все окна открыты, жалюзи убраны и ровный солнечный свет заливает комнаты, но не

может попасть в общий коридор. Иногда я подтягиваюсь на турнике, установленном ближе к ванной, ем одно яблоко за другим, почитываю книгу и посматриваю фильм, но в целом мне нечего делать. Эту квартиру арендует организация для приезжих сотрудников и последний месяц в ней нет единственного соседа, он улетел в отпуск. У меня планы дополнительно заработать, поэтому я смирился с мыслью о том, что здесь предстоит провести все лето.

Периодически я захожу в дальнюю пустую комнату и напрягаю слух. Надо мной живет семейная пара (я пока не вычислил, кто именно – кажется, это системный администратор с моей работы, но точно сказать нельзя: дом занимают сотрудники нескольких компаний). Сейчас лето и иногда слышен секс и женские стоны. Это удивительно, потому что я пару раз видел, как наверх проходит посредственная блондинка лет 30 с парой детей. Скорее всего, она и есть жена сотрудника нашей организации и именно эта семья живет точно надо мной. Меня утешает то, что она низкого роста и без ярко выраженной талии, да и вообще у нее двое детей, а это, конечно, отражается на теле. Это факт. Завидовать тут нечему, думаю я. Я почти уверен в этом. Тем не менее, я задерживаюсь в дальней комнате, но сегодня ничего не происходит. Я разочарован и ухожу смотреть новый фильм Майка Адриано, скачанный на работе. Потом мне кажется, что я снова слышу эти звуки, я вскакиваю и бесшумно пробегаю в дальнюю комнату, но в ней тишина и я возвращаюсь обрат-

HO.

Бизнес-ланч

На следующий день я надеваю пиджак, накидываю плащ и отправляюсь в офис. До него три минуты пешком – надо пройти мимо двух новых пятиэтажных домов. Весь центр города построен за последние 10 лет. С 9-ти утра – совещание. Совещание идет по часовой стрелке. Я предпоследний к начальнице на 10 часов, поэтому буду отвечать последним. Я не слушаю доклады и просто жду, когда речь дойдет до меня, дергая ногой под столом. На столе лежат подшивки местной газеты в дерматиновых обложках для какого-то исторического исследования к 80-летию со дня образования национального округа. Это 70-е и 80-е. 30-е годы – в картонных обложках. Читаю заголовки номера от 26 августа 1936 года: «Теснее ряды вокруг любимого вождя трудящихся тов. СТАЛИНА», «Готовы отдать жизнь на защиту дорогих нам вождей» (это шрифтом помельче), «Уметь распознавать врага». Самым большим шрифтом – «Никакой пощады подлой банде троцкистско-зиновьевских террористов» (под ним подзаголовок – «Такова единодушная воля всех трудящихся»). Курсивом: *«Раздавленный жизнью классовый враг еще не может успокоиться и как спрут пускает свои щупальцы с целью уничтожить дорогих нам вождей и этим самым внести панику в ряды партии»...*

Совещание идет своим чередом. Обсуждаются современ-

ные проблемы – падение добычи на Варандейском СРП накладывается на падение цены нефти. Месторождение по соглашению о разделе продукции между российской государственной региональной компанией и двумя крупными иностранными корпорациями разрабатывается с 1999 года и нефть качать становится все сложнее и дороже. Это столь волнующие новости с еженедельного совещания у губернатора, что я даже вызываюсь поработать по данному поводу и сделать интервью с начальницей Департамента финансов и экономики. На днях мне также надо сделать и согласовать с нефтяниками рекламный материал о вчерашней акции по восстановлению водных биоресурсов.

По СРП регион получает 50% доходов от прибыльной нефти (вторая половина уходит на федеральный уровень), а также взносы по налогу на имущество нефтегазовых компаний, ведущих добычу на месторождениях. Официозное издание спонсируется из местного бюджета, выигрывая специально подогнанные конкурсы на освещение деятельности администрации региона, поэтому от доходов нефтяников напрямую зависят мои личные доходы. Наибольшее волнение у меня вызывает то, что бюджет еще не принят. Только после того, как его утвердят депутаты местного законодательного собрания, можно будет успокоиться – даже если доходы нефтяников упадут еще больше, дыру в бюджете на 2-3 миллиарда рублей закроют кредитом у «ВТБ», и мы не останемся без премий. Кредит придется брать в банке, так как

федеральный центр не даст богатому нефтегазовому региону денег межбюджетным трансфертом. Слухи нервируют нас. Остальные новости на совещании неинтересные – региональные власти продолжают переселение местных жителей из ветхого жилья в новые благоустроенные дома, депутаты утвердили программу 1%-й ипотеки. По ней 1% платит житель региона, а остальные проценты банку компенсирует государство, но квартиру нужно покупать только у определенных компаний. Строить шестиэтажные дома (после 5 этажей в доме обязательно должен быть лифт, а это дорого) в тундре, где нет железных и автомобильных дорог, производства строительных материалов (их можно доставить только в навигационный сезон морем или по реке), зима 8 месяцев году и средняя температура этим летом $+7^{\circ}\text{C}$ – очень дорого и очень выгодно. Еще более выгодно эти квартиры покупать, особенно с учетом действия Варандейского СРП до 2031 года и приближающегося конца сырьевого изобилия. Многие жаждут навсегда связать свою жизнь с этим райским нефтяным уголком. Впрочем, геологи работают и новые месторождения тоже периодически запускают в работу.

Все расходятся. Я поднимаюсь в кабинет. Каждое рабочее утро я начинаю с урожая смерти. Я просматриваю новости о происшествиях: авариях, катастрофах, обрушениях зданий, пожарах, терактах, военных конфликтах, убийствах, ограблениях и тому подобному, что выдают агрегаторы по запросу происшествий, а наиболее интересные читаю в оригина-

ле. Каждый день переворачиваются автобусы и сталкиваются на встречной легковушки с грузовиками, в горах гибнут альпинисты, взрываются машины в Багдаде, Дамаске и Мосуле, боевики отрезают головы, падают самолеты и вертолеты, сходят с рельс поезда, пьяные убивают друг друга ножами, рушатся здания, люди гибнут в дыму. Время от времени я встаю и открываю окно, а когда мне становится холодно, вновь закрываю его. Сегодня холодный ветер дует прямо в кабинет и на подоконнике уже накопился слой песка, залетающего с улицы. Вечером пройдет уборщица и сметет песок в мусорный пакет. Небо серое, но пока сухо. Наступает время обеда. Звонит телефон. Сотрудник департамента информационной политики местной администрации приглашает на традиционный бизнес-ланч. Мы учились в одной группе в университете. В городе только 3 кафе и 1 ресторан, не считая корпоративных столовых в офисах нефтегазовых компаний, поэтому ездить на бизнес-ланч надо по строгому распорядку. Понедельник – «Чум», вторник – «Север», среда – «Линкор», четверг – «Тундра» и в пятницу одно из мест повторяется. Я вижу из окна, как подъезжает «Субару». Я спускаюсь вниз, сажусь в машину, постукиваю каблуками друг о друга, чтобы стряхнуть песок и пристегиваюсь.

Приятель смотрит прямо перед собой. – Ну что, куда? – спрашивает он меня.

– По средам «Линкор». По средам рыбные палочки. На десерт лимонное желе и яблочный сок, – откинувшись на

сиденье, говорю я.

– Да-да. По средам у нас всегда «Линкор»... – задумчиво говорит он. – С рыбными палочками.

– Рыбные палочки, – механически повторяю я. – Должно быть 8 рыбных палочек.

Через 3 минуты машина подъезжает к кафе. С 12:00 до 16:00 здесь бизнес-ланч.

– Вот бы снова увидеть Кариночку, – мечтательно говорю я, открывая дверь и впуская маленький песочный вихрь в помещение гардероба.

Обедают чиновники и сотрудники ближайших контор, а также прокуроры в синей форме, поскольку рядом находится прокуратура. Много полиции. Карина – так написано на бейджике, прикольная официантка с отличными сиськами, жгучая брюнетка. У нее всегда ледяное выражение лица. Сегодня она к нам не подходит. Вместо нее нас обслуживает другая официантка, пожирнее. Когда мы здесь пили, я хотел познакомиться с Кариной, но сделать это не удалось, несмотря на то, что я потом Вконтакте приглашал ее погулять. Я открываю буклетик меню из 4-х страниц.

– У меня блять до сих пор в ушах звенит, – говорю я.

– Большой крюк сделали, – не отрывая глаз от меню, говорит Андреев.

– Бля, тут опять эта хуйня с рыбными палочками вместо салата... – я тоже изучаю варианты бизнес-ланча. – Свистит, потому что я весь день там торчал в салоне. А у летчиков

есть наушники.

– Я в курсе, – говорит Андреев. – Симпатичная прокурорша, – он едва кивает в сторону окна. Я поворачиваю голову.

– Да. Ниче такая, – я смотрю на блондинку в синем мундире.

– Не пали так.

– Да вот не похуй. Нас и так уже все пидорами считают, – смеюсь я. – Надо как-то исправлять репутацию.

– Конечно. Мы же вдвоем ходим на бизнес-ланч. Тут как в деревне, достаточно раз показаться на обеде с человеком и все. Между вами уже было все, – цедит Андреев.

– Удивительно, как быстро человек становится деревенщиной, – рассуждаю я. – Ведь городские все люди, приехали на работу из больших городов, деньги на севере зарабатывать, – я понижаю голос, так как мимо проходит знакомая. – И тут же превратились в реднеков.

– Тише. Безумова рядом, – Андреев делает еще один знак глазами.

Когда имперские, а позже советские чиновники регистрировали северных инородцев, у большинства ненцев не было фамилий. Поэтому им их придумывали русские. В итоге двумя самыми распространенными фамилиями стали Дуркин и Безумов. Теперь и вполне русские по виду люди имеют эти фамилии, а еще те, кто особенно хотел выйти замуж за местных. Я подношу вилку ко рту и мы некоторое время молча едим.

– Как там бюджет? – спрашиваю я, доедая 8-ю рыбную палочку.

– Нормально, – пригубив компот, отвечает Андреев, – с вами все будет нормально. Не дрейфь.

– Надеюсь, – без особого оптимизма говорю я.

– Опять в суп мяса не доложили, – ворчит Андреев, вода ложкой в миске.

– Кстати, ты раздобыл мне адреса пиарщиков? Выборы скоро. Хочу немножко побольше денег намайнить, – деликатно спрашиваю я.

– Кстати да. Помни мою доброту. На почту тебе скину.

– Лучше ВК, не надо на корпоративную, – говорю я. – На всякий случай.

– Пойдешь депутатов прославлять. В команду губера на перевыборы едва ли возьмут, – говорит Андреев.

– Так ты пролобирруй, – прошу я.

– Там своих желающих попилить полно. Из Москвы кто-то. Моих возможностей не хватит, – вытирая рот салфеткой, говорит Андреев.

– Ладно, давай свои контакты. По депутатам пройдуся. Посмотрим, что по деньгам, – сдаюся я.

Встреча в «Ямалкоминнефтегазпроме»

Спустя несколько дней я договариваюсь о встрече с пиарщиками. Я отпрашиваюсь с работы под предлогом записи к врачу и еду на такси в другой конец города в огромное здание «Печоракоминнефтегаза», стилизованное под замок. У него есть элементы в виде кремлевских зубцов и четыре башенки. В лобби я показываю охраннику паспорт, он сверяется со списком посетителей и нажимает кнопку. Турникет загорается зеленым. Через 5 минут меня встречает один из московских пиарщиков, грузин в свитере. Его волосы зачесаны назад. У него интеллигентный вид. Здание в форме квадрата. Мы идем по периметру длинным коридором. Яжимаю руку своему знакомому, выходящему из кабинета на нашем пути. Он проходит мимо с документом.

– Знаете местных? – спрашивает меня пиарщик.

– Конечно, – отвечаю я, – но он не местный. В «Ненецкомипечоратранснефтегазе» мало местных работает, их почти нет. Здесь же нет ни одного университета, а в администрацию или нефтянку без образования не берут. Поэтому местные в сфере услуг или буровые мастера. В офисах в основном экспаты сидят. Местные после учебы на большой земле не возвращаются.

– В Москву едут? – спрашивает пиарщик.

– В основном в Питер, – вежливо отвечаю я.

Мы входим в кабинет. Там на фоне синих стен сидит толстый пиарщик в очках. На стене логотип «Ненецкомипечо-ратрансхарьягамалхарасавеинфтегаза» – ажурная буровая вышка в круге на фоне ледяных торосов.

Ему лет 40 и на нем серый свитер. Перед ним ПК с одним монитором. Грузин садится к нему за стол.

– Максим Юрьевич, – обращается грузин к толстяку, – это...

– Да-да, у меня написано в резюме, – глядя на бумаги у себя на столе, говорит жирдяй.

– Здравствуйте, Максим Юрьевич! Рад знакомству, – говорю я и дружелюбно стою, не делая резких движений.

– Здравствуйте, присаживайтесь, пожалуйста.

– Спасибо. С вашего позволения, куртку повешу на стул? – говорю я, садясь и набрасывая свою ветровку на спинку стула.

– Конечно. Итак, мы изучили ваши работы и резюме. Нам кажется... интересно все. Итак, – медленно тянет жиртрест. Он не пожимает мне руку.

– Спасибо.

– Мы.. ищем.. райтера, – говорит мне жирный мужик, – у нас будут.. предвыборное издание, публикации на местных порталах и в социальных сетях по кандидатам Михальчуку, Безумову, Дуркину и Нифантьевой, для каждого из

них нужно будет много работать. Будут организованы ивенты.. активности... мы не сидим сложа... руки, – задумчиво продолжает он с небольшими паузами. – Работать надо с праздничными мероприятиями, с электоратом. Преодолевать недоверие населения, целевой аудитории. Вовлекать. Создавать уровень доверия определенный. Офис нам предоставляет «Ямалнеенецкомипечоратрансхарьягаямалхрасавейнефтегазбурениедобычаразведка».

– Я понимаю, да.

– Работаем честно. Без грязи. Только хорошее. О наших кандидатах или хорошо или ничего.

– Да, да, – я внимательно слушаю.

– Ближайший – на День России. Мы организуем их в сотрудничестве с местными партийцами.

– У всех свои программы. Сейчас отработываем с кандидатами. Мы вам дадим скорее всего одного или двух кандидатов и будете только их обрабатывать. По одному из нашего списка будет работать ваш коллега, Агафонов, кажется, – подключается к диалогу грузин.

– Вы, наверное, имеете в виду Агафоница, – поправляю я.

– Да-да.. Итак. Мы в целом готовы с вами работать, – радуется толстяк.

– Рад это слышать, – выдыхаю я, но мой голос звучит ровно. Я напряженно слушаю. Я напрягся как парень с венами из того мема.

– Вот.. наше предложение. В месяц. У нас, я считаю,

неплохой бюджет, – завораживает меня тучный начальник пиарщиков.

Он пишет толстыми пальцами на желтом стикере ручкой, кладет стикер надписью вниз и двигает его ко мне. После этого я двигаю стикер к себе двумя пальцами, быстро, но не суетясь. Я сдвигаю стикер до края стола и приподнимаю его как игральную карту от края стола, читаю. Мое лицо выражает удовлетворение, глаза чуть прищурены.

На стикере написано:

«80»

«Неблого, – думаю я – совсем ебобо». Я моментально складываю и в уме со своей зарплатой и чувствую себя морально готовым провести все лето здесь. Знаки доллара на барабанах слот-машины в глазах мультяшных персонажей.

– Ну что же, меня вполне устраивает, – я проглатываю слюни и выдерживаю маленькую паузу. – Вполне приемлемые и достойные условия. Когда сможем приступить? – говорю я спокойно.

– Ну и замечательно, мы вышлем вам первое задание завтра... штаб у нас тут, в офисе «Ненецкомипечоратранссервиснефтегазпрома».

– Спасибо, буду ждать, – я раскланиваюсь.

В лобби я вызываю такси. Чувствую себя замечательно. Огромное, бурное, невероятное счастье обрушивается на меня, сразу становится светло и радостно на душе. Когда я выхожу из офиса

«Ненецкомиямалпечорахарьягаварандейхарасавейтрансервисстроймонтажбурениеразведкадобычанефтегазпрома», погода совсем портится – падает мокрый снег.

НЕ КУ РИ ТЬ – по слогам, полутораметровыми белыми буквами написано на торцах четырех ржавых бочек, лежащих вдоль дороги за маленьким мостом через разлившийся ручей с коричневой водой. Машина проносится по единственной дороге, ведущей в город. Частные кирпичные дома с красными крышами, деревянные двухэтажные бараки 30-50-х годов, современные бетонные дома в 6 этажей, одноэтажные магазинчики: «Мясопродукты», «Лучший», «У дома», «Уют». Серая и черные пенсионерки на остановке, женщина в пуховике везет коляску. Дома красные, зеленые, белые, пластмасса, цветной металл.

У нерусского таксиста играет «Малиновое вино». Песня заканчивается и голос женщины за 50 (ясно, что это запись) без запинки говорит:

– Здравствуйте, радио «Дача», пожалуйста, поставьте для моего дорогого мужа с которым мы в браке вот уже 35 лет вместе и отметили рубиновую свадьбу, песню Стаса Михайлова «Перепутаю даты».

Старуха, точнее, аудиозапись старухи, наконец, затыкается. Звучит Стас Михайлов. Машина проезжает по еще одному мосту над вышедшей из берегов рекой и въезжает в центральную часть города. Я выхожу у огромного нового здания администрации округа, напоминающего зиккурат древ-

них шумеров, построенного турецкой компанией, на площади у памятника Ленину. Напротив Ленина с другой стороны площади – деревянный храм. Мокрые снежинки залепляют мне лицо и я поспешно забегаяю в здание, показываю паспорт охраннику. Он отмечает меня и я прохожу через турникет. Сегодня в одном из актовых залов совещание департамента экономического развития по вопросам поддержки малого бизнеса.

Массивный коричневый прямоугольный стол занимает половину зала, над ним по центру висят два больших телеэкрана. На стене за местом председателя – карта региона, справа – герб и флаг России, слева – герб и флаг региона. На столе множество микрофонов. Несколько рядов стульев для тех, кто не садится за стол. Я сажусь в первом ряду. Ко мне подсаживается скучающая телка с телевидения. Ее оператор зевает.

– Микрофон включен, – говорит кто-то с середины стола. – Микрофоны работают.

– Итак, уважаемые коллеги, мы собрались, – глава департамента смотрит в бумаги перед собой на столе, – на совещание по поддержке малого и среднего предпринимательства у нас в регионе. Давайте рассмотрим деятельность фонда поддержки МИСП за первый год работы, посмотрим, что удалось сделать, над чем еще надо, – он снова косится на свои бумаги – работать.

Он передает слово своему заму.

– Фонд растратил 197 миллионов 733 тысячи рублей на 18 адресных проектов, – бубнит зам. – Часть заявок...

– Давайте все-таки не употреблять таких слов, как «растратил», коллеги, – перебивает его начальник.

– Да. Прошу прощения. Фонд израсходовал средства на 18 проектов, среди которых такие как автосервисы, социальные проекты адресной помощи жителям пожилого поколения и детям-сиро...

Зам продолжает свой доклад, не поднимая глаз от бумаг. Чиновники и депутаты сидят сложа руки. Я подпираю голову рукой и одновременно медленно сползаю с кресла. Наступает пауза. Обаятельный чиновник с усами и в широком галстуке поднимает вверх руку с вытянутым указательным пальцем:

– Разрешите мне, Ярослав Степаныч?

– С удовольствием тебя послушаю! – отхлебнув чаю из прозрачного стакана в металлическом подстаканнике, говорит начальник департамента.

– Честно говоря, даже не знаю, как начать, – говорит чиновник, вставая.

– А ты говори напрямую.

– Напрямую?

– Напрямую. Щас время такое.

– Ну что ж, напрямую так напрямую, – говорит чиновник, подойдя к начальнику и встав рядом с ним. – Ярослав Степаныч. Я отношусь к вам как к отцу родному. – Но вот

ведь наша работа – это фикция. У нас в регионе работают только нефтяники и оленеводы. Рынка нет. Дорог нет. Перевозки запредельно дорогие. Чиновники занимаются распределением нефтяной ренты, часть которой достается населению. Раздутые штаты контролирующих и правоохранительных органов, которые нам положены как субъекту Федерации. Несколько тысяч чиновников и контролеров и меньше трехсот предпринимателей, – он делает паузу.

– Теперь по теме совещания. Мы с вами прекрасно понимаем, что деньги от исполнительной власти для автосервиса – это ненормально. Нормально – это когда автосервис берет кредит в банке и на эти деньги развивается. Но у нас с вами это нереально. Потому что денег ему в банке не дадут, и сам он их не возьмет с такими запредельными процентами. По сути, власть берет на себя банковские функции и занимается кредитованием. Это неизбежно расширяет слой людей, присосавшихся к государственной кормушке. Те же бухгалтерские и юридические консалтинговые услуги, которые предоставляет наш фонд, почему бы не отдать на аутсорсинг малому бизнесу, который мы пытаемся поддержать?

– Мы занимаемся распределением ренты. Мы не развиваемся. Мы не создаем ничего нового. Мы просто раздули штаты государственного и силового аппарата и проедаем нефтяные деньги, все меньше отсыпая населению в корыто, чтобы не слишком озлоблялись. Мы высасываем нефть из своей земли, чтобы в Москве несколько раз в год плохо переключ-

дывать колотую плитку.

– Все сказал? – спокойно спрашивает начальник.

– Все!

На самом деле все происходит так:

– Отбор по конкурсной программе поддержки проходит на региональном этапе, после чего финалисты отправляются в Москву. В этом году по федеральной программе открыто более трехсот малых и средних предприятий...

Няшное бревно

Я получил выгодный проект и премию и могу немного отдохнуть. Я беру небольшой отпуск с четверга до понедельника. Со мной в отпуск летит телка, которая работает в одном из департаментов местной администрации. В очереди на регистрацию я иду сразу после нее и получаю место рядом. Мы проходим вглубь салона к местам ближе к хвосту. К моему неудовольствию, мне достается третье кресло от иллюминатора. Моя знакомая садится на второе.

– Ну вот, – говорю я, – я хотел у окна сесть.

– Не на что там смотреть, – говорит она.

Пассажиры пристегиваются. Самолет начинает взлет. Чувствуется, как шасси стучат по плитам взлетной полосы. В самолете в Санкт-Петербург много работников местной прокуратуры в синих мундирах и сам главный прокурор мелькает впереди в салоне бизнес-класса. Это мне понятно – он живет в Петербурге и до своего назначения сюда работал там прокурором одного из районов. В эконом классе «Трансаэро» больше не раздают закуски. Только воду, кофе или чай. В 21 час я прилетаю в Питер. Город сверху похож на микросхему. Я отказываюсь от предложений таксистов и еду в Петроградский район, где заселяюсь в небольшой отель. Я принимаю душ и чищу зубы. В 10 вечера я выхожу из отеля и отправляюсь к шлюхе, с которой созвонился еще в аэропор-

ту до отлета. Это новая инди, которую я нашел на «Русотдыхе», анкета появилась 2 дня назад. Я надеюсь, ее еще не успели заебать и кроме меня у нее никого сегодня не было, хотя это маловероятно. На сайте «Мир любви», где размещается реклама питерских шлюх, салонов (борделей) и все пишут отзывы о телках, есть один положительный отзыв о ней. На своих фото она похожа на порноактрису Paige Owens, и ей должно быть (так написано в анкете) 19 лет. Автор отзыва думает, что ей 21. Мы договорились на встречу в 23:00. Я говорил с ней днем, пока сидел в зале ожидания аэропорта, и между нами произошел следующий диалог:

– Привет! Можно с тобой сегодня встретиться? – сказал я.

– Да, давай... – она сделала паузу. – А во сколько хочешь?

– А во сколько можно? – я проверял, нет ли у нее потока клиентов. Если она скажет какое-то определенное время, значит, скорее всего уже кто-то записался, а сразу после другого мне не хочется.

– Да можно сейчас... – сказала она сонно.

– А вечером?

– Да.

– А когда?.. – я замолчал, думая, как еще проверить.

– Да когда хочешь, сегодня свободна, – сказала она, вероятно, зевая.

– Окей, давай тогда на 11 часов вечера договоримся. Ровно. В 23:00, – я вполне доволен результатами проверки.

– Хорошо.

Я еду в метро на Приморскую. Красивая девушка напротив читает газету «Труба». Заголовок на первой полосе: «Москвич продает девственность кота за 500 рублей». Когда девушка выходит, я изучаю свое лицо в отражении противоположного окна. На встречном эскалаторе Приморской проезжают: обнимающаяся красивая пара, целующаяся стремная пара, компания школьников, старушка в берете, бородатый мужик, очкарики, пенсионеры, рабочие в спецовках, люди в деловых костюмах, люди в форме, люди с бумажными пакетами из магазинов одежды. Мне надоедает смотреть на встречный поток и я переминаюсь с ноги на ногу и просто смотрю вверх, на уходящий вдаль, к выходу из наклонного хода, ряд фонарей. Вскоре я подхожу к нужному жилому комплексу. Минут 10 я хожу по круглому двору нового дома на проспекте Кима. За 5 минут до оговоренного времени я звоню и вскоре поднимаюсь на лифте на 21-й этаж. Меня впускает внутрь квартиры девушка в коротком красном платье и в черных туфлях на каблуках высотой примерно 8 сантиметров. Горит яркий свет и она хорошо освещена. Я ее внимательно осматриваю и она действительно похожа на Paige Owens, и мне очень нравится. Грудь выглядит упругой и красиво смотрится, ноги длинные и ровные, лицо с правильными чертами. Она стандартно хороша собой. Похоже, ей примерно 20 лет (в анкете было написано, что 19).

– Привет, – говорит она. – Ты остаешься! – у нее это звучит как утверждение, а не вопрос.

– Привет, конечно, – говорю я.

Я снимаю обувь и прохожу за ней в круглую гостиную. В ней стоят только пара металлических стульев и дешево выглядящий стеклянный столик, больше здесь нет мебели или техники.

– Ну вот, ты можешь сходить в душ, и я тебя провожу в комнату, – говорит она.

– Да, я схожу в душ. А ты очень красивая, – я стараюсь ее поощрить, – хотя наверное тебе это уже сегодня пара тысяч человек сказали.

– Да нет, сегодня еще не говорили, – она не улыбается.

Тут я осознаю двусмысленность своей фразы и хочу еще что-то сказать, но просто достаю 4,5 штуки. Оставляю верхнюю одежду в гостиной и прохожу в душ. Мне на ум приходит комплимент получше, но я его забываю, пока моюсь в душе. Я обматываю полотенце вокруг бедер и возвращаюсь. Она все еще в платье. Она просит меня пройти в соседнюю комнату без двери. Там тоже яркий свет. Она включает радио «Монте Карло» на колонке в виде мопса и уходит в душ. Я убавляю звук. Пока она моется, сижу на кровати и ни о чем не думаю. Вскоре она возвращается в полотенце, обмотанном вокруг талии и сисек. Я начинаю к ней приставать и целую в шею и в ухо, а потом пытаюсь поцеловать в губы, но она крутит головой и все время уворачивается, повторяя:

– Подожди, подожди...

– Чего подожди? – недовольно говорю я, к этому времени

сняв с нее с полотенце. Ее упругая грудь с аккуратными сосками и задница мне очень нравятся.

– Надо надеть презерватив, – решительно говорит она.

– Я в курсе. Давай, надевай.

Я освобождаюсь. Она снимает туфли с каблуками, оказываясь после этого примерно 170 сантиметров ростом, натягивает мне на хуй Contex и ловко раскатывает его двумя руками. Contex мне жмет, но свои я не купил, поэтому придется пользоваться тем, что есть у нее. После этого она слегка отстраняется от меня и ложится на спину поперек кровати, вытянув руки вдоль тела и положив ноги ровно, словно статуя на средневековом надгробии в готическом соборе.

– Ну все, – говорит она. – Я твоя.

– Спящая красавица. Если я тебя поцелую, ты оживешь? – спрашиваю я, ложась рядом.

– Давай без поцелуев в принципе, – глядя мне в глаза, говорит она.

Я нависаю над ней на вытянутых руках, потом опускаюсь ниже и облизываю ее шею и уши, и сжимать прикольные спортивные сиськи и задницу, а потом останавливаюсь и говорю:

– С тебя минет.

С легким вздохом она переворачивается и теперь уже сама нависает надо мной. Она неуклюже водит рукой по хую и потом недостаточно нежно хватает его ртом, так что приятного в этом только то, что у нее красивое лицо. После неко-

того времени я прошу ее лечь на спину, что она и делает, раздвигая, на этот раз, свои длинные ноги, на которых, увы, можно почувствовать недостаток депиляции. Ее ровный гладкий живот особенно красиво смотрится, когда она выгибается вперед ко мне. Проверив двумя пальцами ее пизду, я нахожу ее недостаточно влажной. Она тянется за смазкой (тоже Contex), лежащей на тумбочке рядом с кроватью. Намазав мой хуй в презервативе она снова вытягивает руки вдоль тела. Во время секса мне кажется, что у нее внутри все очень узко, что прикольно. Минут через 5 мы меняем позу, и она снова меня смазывает. Потом опять перекидываю ее в миссионерскую. Я стараюсь держать ровно руку, на которую опираюсь, потому что когда она согнута, руку начинает потряхивать от напряжения под весом моего тела. Сначала она уворачивается от поцелуев, но я продолжаю лезть языком в ее рот, она начинает целоваться с плотно сжатыми губами, а потом, наконец, раскрывает рот и я чувствую в своем рту ее быстрый язык. Потом я кончаю, некоторое время мы еще лежим соединенными, после чего я медленно разгибаюсь назад и сажусь в сторону, она снимает с хуя презерватив и вытирает мне член влажными салфетками, которые предназначены, судя по картинке, для протирания младенцев. Я тоже ложусь как статуя и некоторое время мы лежим молча, как два тела, положенные рядом в одной могиле.

- Мне кажется, твоей девушке больно было, – говорит она.
- Это сухая? – грубовато спрашиваю я, потому что ду-

маю о чем-то своем и не хочу, чтобы меня отвлекали.

– Ну типа для меня великовато в принципе.

– Это все из-за операции. Я тебе уже говорил что ты потрясно выглядишь?

– Интересно?! Это как лол.

– Я говорю, потрясно, – говорю я.

– Спасибо. Мне послышалось. Интересно – это какой-то сомнительный комплимент. Какой операции?

– По увеличению. Видела в интернете рекламу? Она реально работает! – наигранно восклицаю я.

– Да ну, ты шутишь, – она не смеется.

Я молчу. Минут через 15 у меня снова встает и я успеваю еще один раз кончить, пока не кончился оплаченный час. Потом я захожу в ее душ и быстро моюсь, после чего выдавливаю себе в рот струю хлоргексидина из пластикового флакончика, полощу рот горькой жидкостью, сплевываю, вытираюсь и возвращаюсь в комнату. Пока я одеваюсь, она лежит на животе, болтая ногами, и смотрит какой-то клип на своем смартфоне. Я прохожу мимо дома с башенками за Смоленским мостом, вид которого заставляет меня вспомнить осенние кадры из «Брата». На этом фоне Данила шел куда-то то ли в начале, то ли в середине фильма. Но мой путь лежит не на кладбище и не на Мойку 1, квартиру 8. В исторической части Васильевского острова я захожу в «Две палочки» перекусить – ночные мосты еще разведены.

Свидание с милфой

– Ну и как отпуск?

– Это был скорее отгул, – откусив рыбную палочку, говорю я. – Я немного подзарядился.

Я жду реакции. Ее нет, поэтому приходится развивать тему самостоятельно:

– Я там прикольную телочку снял с «Русотдыха». На Васильевском острове. Похожа на Paige Owens, – снисходительно сообщаю я.

– А здесь че? Ради этого стоило лететь в Питер и тратить кучу денег на билеты? – Андреев тянется к солонке (то есть к перечнице).

– Ты что, совсем тупой, – говорю я раздраженно, – сто раз уже объясняли тебе. Ты хоть раз видел шлюх в провинции вживую? Это же пиздец. Жирные маргиналки.

– Ну... эээ, – с набитым ртом мямлит Андреев.

– В городах до миллиона жителей в нашей стране нормального платного секса нет. Если тебе очень повезет, и ты найдешь соломинку в стогу иголок, то это исключение только подтверждает правило. Только в столицах можно найти красивых шлюхующих студенток. Главное знать, где и как искать. Хотя и там маргиналок хватает, – поучаю я.

– Да? А почему так? – Андреев переходит на третье блюдо.

– Потому что в маленьких городах нет проблемы поиска жилья и высокой платы за аренду, – с видом эксперта поясняю я. – Потому что все друг друга знают и сложно сохранить анонимность. Мешают косные консервативные нравы и семейные ценности эти ебаные.

– Я как-то не готов 13 штук на билет туда обратно в Питер тратить, чтобы поебаться, – смотря на симпатичную прокуроршу, говорит Андреев.

– Да ты на диски и детальки для своей тачки больше в неделю тратишь, – замечаю я.

– Я два месяца потратил на переговоры ради посредственного секса с посредственной телкой с дебильного сайта знакомств. Выяснилось, что и непрофи можно уговорить на это, но цена будет выше. И перед этим чуть не каждый день тратить полчаса на переписку, – жалуясь я.

– Вот нашел бы себе разведенку с прицепом и нормально, – язвит Андреев.

– Нет уж спасибо. Я вообще с рожавшими не сплю. У них фигура портится, – надменно говорю я. – Буду лучше к местным школьницам и официанткам подкатывать. Да и вообще, – я умолкаю. Андреев смотрит на меня. – Все это скоро закончится, – говорю я, вздыхая.

Вечером я скроллю местные паблики и группы слухов в группе «Типичный Мухосранск». Мое внимание привлекает интересное обсуждение – местные сплетницы обсуждают местную девушку, которая, по их мнению, занимается про-

ституцией. Это маловероятно, но я все же решаю проверить. Выглядит она неплохо, но возраст не указан. Я отправляю ей сообщение: «Привет, я тут прочитал про тебя какие-то бредовые сплетни».

Все это бред. Типичная травля в деревенском стиле. К сожалению, никакая она не проститутка. Мы решаем сходить на свидание. В «Линкор». Через некоторое время я снова в этом кафе, второй раз за день. Белая ночь опустилась как облако, спать все равно не хочется. Надеюсь, мое появление здесь с красивой дамой привлечет внимание официантки Карины, на которую я смотрю, пока жду эту телку. Лицо Карины, как обычно, не выражает никаких эмоций. Она похожа на мечтательного андроида. Вскоре появляется эта телка, которой я дарю какие-то цветы, купленные в двух шагах отсюда. Внешне она довольно симпатичная, но постарше меня. У нее хорошая фигура и она провинциально одета. Она заказывает суши. Я тоже и две бутылки белого сухого вина. Карина не выглядит заинтересованной, принося все это. Из разговора мне становится известно, что даме 33 года и у нее двое детей. Старший сын 9 лет от какого-то болгарина, а младшая дочка от бизнесмена из Москвы, покончившего с собой, когда бизнес не пошел. Разговор переходит на местных сплетниц.

– Да, да, да, куда не приедешь – все друг друга перетраха-ли, – смеется она. – А на деле 1-2 случая за месяц, а болтовни на годы. Она накальвает суши на вилку, на что я смотрю

толерантно, но все же делаю едва заметный знак уголком рта.

– Ну как тебе сказать, – я застенчиво вожу палочками по скатерти, – я думаю, что тот, кто успешен у дам, он и на необитаемом острове один не останется, не то что здесь.

– Угу, – она слушает.

– Но не всем так повезло, – продолжаю я, – Поэтому.

– Поэтому? – переспрашивает милфа.

– Поэтому необходимо применять другую тактику. С самого начала у меня была какая-то тактика и я ее придерживался, – говорю я. – Впрочем, я тоже многих отшиваю. Не в моем вкусе. Сейчас стараюсь это делать мягко. Зачем ломать людям самооценку? – я очень великодушный.

– Очень благородно, да ты же святой человек, – говорит она, сдирая суши с вилки зубами, как шашлык.

– Да. И если твой правый глаз искушает тебя, вырви его и брось прочь от себя.

– А это откуда? – спрашивает она.

Мой расчет на две бутылки вина оказался верным. Она приглашает меня к себе прямо немедленно, прямо сейчас, но с условием, что я найду еще что-нибудь выпить. Это не так просто, потому что все магазины с бухлом уже закрыты. Она живет в доме сразу за «Линкором», точно в таком же, как у меня, только на 6-м этаже. К счастью, у меня еще есть полбутылки посредственного виски, с которым я и приду в гости. Она наполовину местная, отец ее был русским и она избежала главной проблемы коренных малочисленных

народов севера – кровосмешения, неизбежного в таких оторванных от остального мира местах. Похоже, что избежала и неустойчивости к алкоголю – после одной бутылки вина она вполне трезва. Я расплачиваюсь по счету.

Когда я и мои полбутылки виски приходим к ней в гости, нас ожидает сюрприз – оказывается, дочь на каникулах в детском лагере, а сын только что вернулся. Сейчас, девятилетний, здоровый и загорелый дочерна, он играет в своей комнате в Battlefield 4 по сети. Дверь в комнату открыта. Оставив полбутылки на кухне в ожидании милфы, решившей переодеться в спальне в соблазнительный домашний халат, я деликатно заглядываю к сыну. Он увлечен игрой.

– Привет, – говорю я.

Он приспускает наушники: – Здоров.

– Ммм, батла.. Не люблю Battlefield, – комментирую я. – Уеба... идиотская скорость боя, все носятся нереально быстро, все какое-то пластмассовое. Командной игры ноль. По сути тупо дезматч. Короче, дебильный геймплей запорол все положительные впечатления от графона, – резюмирую я.

– Так ты нуб и дно наверно, вот тебе и не нравится, – сын пожимает плечами. – Отличная игра.

– Да ладно тебе, я нормально рвал всех, – я чувствую себя старпером.

– Ну, надумаешь увидеть как отец делает, так заходи, – сын надевает наушники и возвращается к игре. К моему облегчению, это трёхкомнатная квартира и его детская далеко

от спальни милфы.

Я возвращаюсь к милфе и взрослым разговорам на кухне. Мы понемногу распиваем полбутылки и она начинает мне затирать про «одинаковых мужчин». Потом рассказывает о нравах местных:

– Стоит новой девушке приехать в поселок, местные в первый же день передерутся. У нас же тут большая шведская семья.

Я киваю, запустив одну руку ей между ног в глубину халата, а второй держа за талию. Вообще она сидит у меня на коленях.

Дело идет к концу, когда она заявляет:

– Нет. Не сейчас. У меня есть принципы. Так быстро нельзя. Нельзя на первом свидании, – утверждает она смазливym девчоночьим голосом.

Я пытаюсь ее переубедить и остановить, но она неожиданно резко уходит к себе и запирает дверь на ключ. Я стучу пару раз. Ответа нет. Ничего не остается, как идти играть в Battlefield 4.

Я подтаскиваю стул из кухни, ее сын включает колонки вместо наушников.

– Щас я тебе покажу дух старой школы CS, нубас, – говорю я.

– Лол.

Меня постоянно убивают.

– Да сука! Блять, ну какого хуя, я же говорю, эта твоя сра-

ная батла полное говно! – покраснев от злости и возбуждения ору я. – Ну блять винтовка баррет как AWP должна с одной пули валить в тело и не только хедшотом!

Я сажусь в кустах в маскировочном костюме снайпера и пытаюсь валить всех с ножа. Ее сын залиvisto смеется.

Очередной бизнес-ланч.

– Ну что, когда свадьба с той разведенкой с двумя прицепами?

– Ну, я дошел до какой-то там базы, как в американском кино, – я понижаю голос, потому что рядом проходит знакомая, – по-моему, она силиконовая, кстати. Не думал это встретить здесь. Но потом она перестала отвечать.

День рождения ветерана

Вялая предвыборная кампания идет своим чередом. В мутный июльский день городские и областные чиновники средней руки идут поздравлять ветерана. Внезапно к ним присоединяется мэр и пара моих кандидатов. Вот это поворот! Мне приходится идти с ними. В регионе остается ровно 5 (пять) ветеранов войны, поэтому свою обязательную дозу почтения получает каждый из них. Собирается большая делегация, которая кажется еще больше в небольшой двухкомнатной квартире ветерана, где тот живет с внучкой и ее большой семьей. Ветеран почти глух и говорит очень неразборчиво. Поэтому проще общаться с его родственниками. После войны он всю жизнь строил какие-то сараи или коровники в деревнях региона, которые сейчас практически нигде не используются и развалились, потому что развивать производство молока в тундре, где почти не растет трава и расстояния между деревнями с парой сотен жителей составляют больше 300 километров, невыгодно. Это могли делать только при советской власти, когда это молоко возили на вертолетах. Сейчас себестоимость такого литра будет дороже, чем литр Hennessy в рознице с учетом всех алкогольных акцизов.

Глубоко запавшие глаза, череп в пигментных пятнах. Вот такой ветеран. Войну он провел на Дальнем Востоке в ожидании возможного нападения японцев. Служил там с 1939-

го года. Японцы, к счастью, напали на Перл-Харбор, поэтому ветеран вступил в войну только в 1945-м и погромил Квантунскую армию в Маньчжурии. Потом его почему-то долго не демобилизовали, поэтому он вернулся сюда только в 1948-м и обнаружил, что жена от него давно ушла. Поэтому многочисленные дети появились уже от другой. Это все рассказывают родственники. Чиновники дарят цветы и шоколад, желают здоровья. Мэр заверяет, что ветеран будет жить еще долго. Родственники гордятся своим ветераном и его многочисленными денежными бонусами, которые он получает как от федерального, так и от местного правительства. Я возвращаюсь в офис пешком, потому что ветеран живет совсем близко.

Две Наташи

Случается небольшое ЧП – сломались какие-то проявочные пластины в офсетной машине. В связи с острой необходимостью срочно выполнить госзадание по печати толстенных «Красных книг» с тундровой флорой и фауной, а также большого тиража «памяток охотника», машину нужно починить в кратчайшие сроки, но деталь, изготавливающую проявочные пластины, можно купить только в Германии. Меня не отправляют в Германию. Я должен забирать проявочные пластины в типографии города за 1200 километров отсюда три раза в неделю. Сразу заказать много пластин нельзя – справочники еще верстают и получать пластины можно только по мере их изготовления, тут же запуская в работу на машине. Вечером я сажусь в самолет в 21:20, прилетаю в другой город в 23:00, на следующий день в 11 часов утра еду в типографию, беру пластину, сажусь на самолет в 13:30, лечу обратно, в тот же вечер снова сажусь на самолет, лечу в другой город, ночую там, на следующее утро еду за пластиной, сажусь на самолет в 13:30, лечу обратно и т.д. Здесь живет много знакомых. В один из прилетов мы посещаем стрип-клуб, поэтому к самолету на следующий день я приезжаю с сильным похмельем. В другой вечер я иду в бар «Дно». Алиев обещает мне встречу с двумя блондинками 22 лет. По его словам, они очень доступные. Когда я прихожу, там только

Алиев и нет этих блондинок. Я немного разочарован, но все же решаю остаться и изучаю меню, после чего оказывается, что он меня разыграл – они были в дамской комнате.

Они возвращаются и в это же время официантка приносит им пиво, гренки с сыром и сырныи шарики, а Алиеву – баранью отбивную и пиво.

– Итак! – хлопаю я в ладоши, стараясь выглядеть энергичным. – Давно тут тусуетесь?

– Только пришли, – говорит Наташа-1.

– И заказали сырныи сарики, – говорит Наташа 2.

– Ты хотела сказать, сырныи шарики – бесцветным голо-сом поправляет ее Наташа-2.

Наташа-1 мелкого роста, блондинка (то есть шатенка) с узкими глазами и хорошей фигурой. Наташа-2 – высокая блондинка в розовом свитере. Наташа-1 имела любовника из Нигерии и даже ездила к нему в Лагос. Мне показывают фото, где они на мотороллере в Лагосе.

– Что тут есть интересного, – листая меню, говорю я.

– Караоке, – говорит Алиев.

– Я слышу, – усмехаюсь я, краем глаза видя, как молодая блондинка поет «Позови меня с собой». – Я имел в виду из еды.

Наташи молча пьют и жуют.

– Да в принципе все мясо тут неплохое, – советует Алиев.

– А где же оленина? Пробовала оленину, – говорю я высокой Наташе-2.

– Только в виде чипсов, – говорит она.

Мне приносят то, что я заказал. Как ни странно, я не так уж разочарован: все могло быть хуже. В конце концов, эти девушки могли быть англичанками. Мы могли пить... чай.

– Выехали с какой-то экзо... экологической инспекцией на Варандейское. Едем по зимнику на «Ленд Крузере», – рассказываю я высокой Наташе-2, надеясь, что роскошь описываемой поездки произведет на нее впечатление. – Вдруг бац, удар какой-то по бамперу. День в разгаре, никого не видно, дорога пустая. Выходим – куропатку сбили. Мы ее в багажник. Еще один удар – снова куропатка! Ее тоже в багажник.

– А какой модели «Ленд Крузер»? – спрашивает Наташа-2, оживляясь.

Первая Наташа меланхолично пьет третий бокал пива объемом 0,33.

– И че с ними сделали, – добавляет Наташа-2, одергивая свой свитер.

– Зажарили, наверное, – я игнорирую первый вопрос, потому что не знаю ответа.

– Охота без ружья? – пытается поддержать меня Алиев. – Это как рыбалка на диване.

– Типа того, – я замечаю, как теряю внимание.

– Там наверное холодно. Мне нужна новая шуба, – спокойно говорит Наташа-1.

– Норковая? – спрашивает Наташа-блондинка.

– А тебе не кажется, что норка слишком... пушистая? – спрашивает Наташа-1.

– Да, норка бывает очень пушистая, – соглашается Наташа-2.

– Серебристая лиса – это очень модно, – бубнит Наташа-1.

– И бежевые тона тоже, – говорит согласная с ней Наташа-блондинка.

– А что бывает в бежевых тонах? – спрашивает Наташа-шатенка.

– Ясак, – говорю я. – От ненцев.

– Рысь, шиншилла, горностаи, бобр.

Между нами пропасть, разделенная невидимой стеной.

– А ты знаешь какой процент ВИЧ-инфицированных в Нигерии? – спрашиваю я Наташу-шатенку, и сам отвечаю на свой вопрос. – Высокий, процентов 10, а может и больше.

Наташа-1 смотрит на меня и молчит. Она *всегда* молчит. Мы продолжаем пить еще некоторое время, после чего кто-то предлагает поехать на такси туда, где танцуют.

Мы едем в гопнический клуб «Государство», известный многочисленными драками посетителей и сломанными челюстями. Вычурная завитая вывеска «Государства» горит неоном. Клуб находится в новом здании, плитка на котором закреплена некачественно и повсюду отваливается. Все столики заняты. Ревет песня «О боже, какой мужчина».

За барной стойкой, потягивая джин-тоник, я веду диалог с относительно симпатичной брюнеткой в обтягивающем пла-

ть. Всполохи софитов ритмично накладывают длинные глубокие тени на ее лицо.

– А я в 98-м закончила мед! – громко кричит она мне и сразу же ловко взлетает на барную стойку, начиная там танцевать.

– Ммм, может в 98-м году закончила школу? – задрал голову вверх, я пытаюсь до нее докричаться.

– Нет, мед! – орет она в ответ, глядя на меня сверху вниз. – Мет!

– Ммм, понятно, – невнятно говорю я, понемногу уползая в сторону и стараясь не попасть под каблук.

На более безопасном участке барной стойки ко мне подползает Алиев.

– Я в говно! – орет он мне в ухо.

– Молодец, – вяло говорю я, глядя рукой по стойке и делая неопределенные движения, не то кивая, не то отрицательно мотая головой.

Я замечаю, что нам машут руками Наташи. Они нашли свободный столик. Мы устало садимся за него. Они выглядят все так же. Я смотрю на телефон и думаю о том, что скоро пора ехать в типографию, а потом в аэропорт.

– Очень жарко тут, – говорит Наташа ростом повыше. – Мне очень жарко.

– Сочувствую, – говорю я. – Разденься.

– Нет, – говорит она, энергично мотая головой, – нельзя. Нельзя было надевать этот свитер. В нем очень жарко.

– Могу дать тебе свою рубашку, в ней не жарко, – без энтузиазма предлагаю я.

– Да? Ну а ты что, оденешь мой свитер.

– Конечно. Да я обожаю носить женскую одежду, – говорю я совершенно серьезно, – она очень удобная. – Подавшись вперед, я продолжаю. – Можем поменяться одеждой в туалете.

В туалетной кабинке грязновато. Я приподнимаю низ свитера Наташи-2. Из соседней кабинки слышны неприятные туалетные звуки.

– По-моему, это было ошибкой. Мне не подойдет твоя рубашка, – говорит она, отстраняясь.

– Да ты примерь. Тебе очень пойдет и будет не жарко, – убеждаю я, пытаюсь стянуть просторный свитер Наташи снизу вверх, но она держит руки опущенными и этим препятствует мне, – I need your clothes, your boots and your motorcycle, – говорю я шутливо.

– Нет. Пойдем отсюда, – в ее голосе звучит металл.

Я принимаю это спокойно. Засыпая на ходу, не попадая руками в рукава, я заказываю такси и еду в аэропорт. Полет проходит быстро и я не ем остоебенивший паштет от авиакомпании. Самолет садится мучительно долго, у меня сильно закладывает уши из-за перепадов давления.

День выборов

День выборов проходит предсказуемо. Все победили. Считая свою суммарную прибыль от рекламы кандидатов, я хожу между полками супермаркета. В супермаркете местной сети «Лучший» звучит музыка как в старой игре «Shinobi III: Return of the Ninja Master» на Sega MegaDrive. Таджик или узбек из Средней Азии взвешивает мне грейпфрут, и, как будто нарочно, долго мнет его в руках, берет, блять, всей пятерней и потом медленно наклеивает ценник. Этот грейпфрут не в пакетике и мне сразу хочется его помыть, но на этом мои переживания не заканчиваются – такую же операцию азиат проделывает и с лимоном.

– Нельзя ли побыстрее? – говорю я противным голосом.

Азиат смотрит на меня не мигая. Его рот открывается и он что-то говорит. Кажется, на русском, но ничего не разобрать. У них какая-то своя жизнь. Где они живут? Тут же, блять, холодно. Я кладу фрукты в корзину и ухожу к кассе. В очереди у кассы представитель коренных малочисленных народов севера спрашивает у меня, не из Москвы ли я. Я отвечаю, что я из провинции, но чувствую себя польщенным. В этом магазине все полки в секции «ДЕТСКОЕ ПИТАНИЕ» заставлены острым соусом, кетчупом, горчицей и хреном.

В отпуске

Мне рассказывают, что еще в прошлом году здесь оплачивали дорогу в любую точку Земли, но теперь, с падением цен на нефть – только в любую точку страны. Этот бонус можно использовать раз в два года. Я не собираюсь работать дольше года, поэтому использую его сейчас. Я лечу во Владивосток на 1 день. Этого вполне достаточно. Мне кажется, я там обрету какие-то восточные практики. Может быть, стану буддистом и буду всех заебывать этой хуйней или типа того. 10 часов ожидания самолета до Хабаровска (там пересадка) в Москве надо как-то провести. Накануне я внимательно просматриваю «Город Интима» – лучший сайт по Москве. Я останавливаю свой выбор на шикарной брюнетке 22 лет, если верить фото, она похожа на Сабрину Салерно в молодости. У нее есть одна оценка (максимальные баллы за классику и МБР) и ни одного отзыва, анкета зарегистрирована 3 дня назад. Стоимость – 8 000 рублей. Я набираю номер и она почти сразу отвечает:

– Я в парикмахерской сейчас. Перезвоню вам позже, ладно?

– Давай.

Телефон звонит через час.

– Давай на завтра договоримся на 13 часов? – предлагаю я.

– Давай. Позвони только за полтора часа на всякий слу-

чай.

– Без проблем.

Это значит, что мне придется выехать из Шереметьево на аэроэкспрессе и доехать до Парка победы. Поезд едет по неинтересным местам Москвы. В старинном сталинском доме на 8-м этаже меня встречает соблазнительная, чуть полноватая брюнетка лет 25, с густыми матово черными волосами в черном кружевном белье. Из-за слишком энергичных поцелуев наши рты смыкаются с зубным клацаньем, как у двух дерущихся гиппопотамов, оскаливших своих невероятные клыки и сражающихся с раскрытыми пастьями. Я поправляю ее здоровое упругое тело, сдвигая в более удобное место, так что ее голова попадает между подушек и волосы красиво выбиваются из под них, мы движемся все ближе к опасному краю кровати. Происходит смена позы – она забирается наверх, вскоре я, прижимая ее к себе, пытаюсь снова перевернуть ее на спину и этот поворот приходится на край кровати, с которой она падает, схватив меня рукой и увлекая за собой. К счастью, никто не пострадал. Она приносит мне Кока-Колу со льдом. В ее ванной комнате шикарное мыло, похожее на кусок распиленного гранита. Оно сильно пахнет креозотом.

Главное – уметь искать и анализировать информацию. Более верно оценить данные помогают достоверные источники. Москва имеет преимущество по отношению ко всем остальным городам – на наиболее адекватном сайте «Город инти-

ма» не замазывают лица. Возможно, это связано с тем, что в многомиллионном городе статистически легче затеряться. Считается, что оценки и отзывы администрация сайта не ставит – это делают только клиенты и сами девушки. Считается, что владельцы дорожат репутацией сайтов как объективных ресурсов с достоверной информацией. На отзывы и оценки имеют право только пользователи, которые делятся по рангам – их оценивают другие пользователи в зависимости от надежности их отчетов по конкретным проверенным девушкам.

На клиентов есть подробные базы данных с описаниями, в которых указаны физические особенности, возраст, стиль поведения, род занятий и многое другое. Поэтому все заинтересованы выглядеть и вести себя хорошо: информация в любом случае распространится, и, попав в черный список у одной девушки, есть риск попасть в ЧС у многих.

Так действует система взаимных проверок. В результате формируется своеобразный социальный рейтинг, по которому красоту и навыки (у девушек) и адекватность (у клиентов) оценивают пользователи. Подобную систему социального рейтинга сейчас внедряют китайцы, только в масштабах всего государства.

Различных сайтов с левыми фотографиями и поддельными отзывами очень много, но почти в каждом регионе есть один реальный и более-менее достоверный местный ресурс. Средний уровень цен в Москве составляет 5–8 тысяч рублей,

в Петербурге – 3–5 тысяч. Цены прямо коррелируют со стоимостью аренды жилья и уровнем зарплат. Второе важное отличие Москвы от Питера – в Москве более распространены индивидуалки и квартиры с одной-двумя инди, на которых наводит централизованный диспетчер: все телефоны и работа по рекламе завязаны на ней. Самостоятельные индивидуалки не пользуются диспетчерами, несут все расходы (аренда квартиры, хозяйственные траты, фотосессии, в некоторых случаях охрана) и тратят собственные деньги на рекламу на ключевых сайтах. В Питере большинство девушек размещаются в борделях различного класса, имеющих собственные сайты и программы лояльности для клиентов. Проверки и отчеты можно найти на общем городском форуме по теме.

Разумеется, на цену влияют издержки, но не этот фактор здесь самый главный. Основным остаётся осведомленность: ориентируясь на рынке, можно заплатить меньше, но до определенного порога, ниже которого качество станет неприемлемым. Независимые индивидуалки обычно сами решают, какую цену назначить за себя, в салонах цену определяет руководство. В мухосранских это повсеместно «рынок продавца» в виду слабой конкуренции, в миллионниках и столицах конечная сумма во многом зависит от покупателя и его умения ориентироваться на рынке. Однозначного соотношения цена-качество нет, но есть порог, ниже которого не стоит опускаться: в Москве это 5 тысяч, в Питере – 3. Элитный эскорт стоимостью выше 15 к может оказаться

полным говном – часто за такую сумму шлюхуют слишком опытные дамы. Впрочем, иногда в этом сегменте попадают-ся и топ-модели.

В Хабаровске я ем очень дорогой мисо-суп, чувствуя злобу на этот жульнический обед и почти физическое ощущение лишней траты, смешанное с чувством, что кто-то надувает и, надувая, наживает. Напротив меня за столиком сидит симпатичная милфа-брюнетка в шубке из крота и молодой очкарик лет 22-х.

– Твой дядя вернется только в полночь... даже еще позже, время есть, – долетает до меня обрывок их разговора.

Во Владивостоке я посещаю аутентичный корейский ресторан и ем очень большую порцию супа со множеством закусок с помощью интересных металлических палочек. У меня возникает мысль посмотреть кого-нибудь и здесь, но ознакомившись с местными сайтами я не нахожу достоверно привлекательных шлюх. Через Москву я возвращаюсь обратно. Самолет садится. Здесь уже лежит снег.

Черный понедельник

Через беспорядочное нагромождение черных деревянных барачков я выхожу к заснеженному берегу реки. Я беззвучно ступаю по мягкому декабрьскому снегу, в оранжевом свете фонарей блестят новые машины, стоящие во дворах у черных барачков. Беглецу не получится скрыться, если все разом выглянут из своих домов. Всем приготовиться! Я чувствую, как весь город встает, накидывает пуховики и тянется к приходу, но я уже на берегу и они меня не увидят. На берегу стоят тенты и декорации. На одной надувной арке написано «Старт», а на другой – «Финиш». Я слышу рев моторов. Это гонки на снегоходах. Пользуясь своим бейджиком, я прохожу в палатку с фуршетом. Я беру кусок пирога с морошкой, маленький кусок строганины, пластиковый стаканчик газированной San Pellegrino, выпиваю через силу и, со все возрастающей тревогой, смотрю на свою пластиковую тарелку. Люди в палатке молча едят, не обсуждая гонки.

Я ухожу с гонок, не дожидаясь результатов и победителей. Снегоходы трещат на реке, мерцают фарами в темноте и поднимают снежные вихри. Я иду по направлению к квартире. Потом решаю провести вечер в «Линкоре». Мне надо поговорить. Через 3 минуты я на месте.

В «Линкоре» пусто и темно. Музыка нет. Сегодня понедельник. Я сажусь за столик у окна, не обращая внимания на

сумрачную Карину, которая приносит меню.

– Рубль обезумел, сможешь ли ты совладать с ним? – спрашивает у меня Андреев, отодвигая стул и подсаживаясь за столик. – Водочки нам дайте. Графинчик на 300.

Карина кивает.

– Мы домой летим, – тупо уставившись в меню, говорю я. – Я чувствую себя как норильские шахтеры в 1991 году.

– Да?

– Они всю жизнь копили советские рубли в ледяном аду, а потом в один миг эти деньги обесценились, – объясняю я. – И вместо домика на юге или там квартиры... Они так и остались в аду.

– Да не дрейфь ты так. Вон на Карину посмотри, расслабься, как всегда. Сюда все кризисы доходят очень слабой волной, – Андреев разливает водку по стопкам.

Я покорно выпиваю и сообщаю:

– Завтра я иду в банк, а через две недели вылетаю в отпуск с последующим увольнением.

– Не надо поддаваться панике.

– Я не верю Сбербанку. Пусть отдаст мне мои доллары в бумаге.

– Покупай рубль, самое то.

– Нет. Просто оставлю доллары у себя. Может это начало пиздеца. Может норильские шахтеры – это мы, – я аккуратно разрываю салфетки на мелкие кусочки.

– Опять накрутил себя.

– В любом случае тут нечего делать. Выборы закончились. Мы не создаем продающий контент, не следим за актуальной повесткой. В стране пиздец с национальной валютой, – говорю я.

– Ты пей, пей.

– Народ в панике снимает деньги в банках. Здесь об этом с начала месяца ни слова, – я роюсь в портфеле. – Так можно вообще навыки утратить, ты только посмотри на это, – я достаю местное издание с заголовком на первой странице: «Лисенок перебежал дорогу».

– Я в курсе, – говорит Андреев.

В самолете

Край мой, скромный, чистый, родной! Сколько радости, сколько нежно глубоких чувств принесли сердцу моему твои завьюженные просторы! Как много добра подарил ты мне! Как засиял передо мною мир людской на твоём чистом фоне! Как подобрел я сам. Как наполнил меня ты до края желанием творить добрые дела для моего народа. Любовью ты наполнил сердце мое! Вдохновил меня для понимания великого! И так далее и тому подобное... что-то в этом роде.

– Ким Алексеевич! Ведь это наши корни! Вот они, наши корни! – восторженно говорит молодая блондинка грозному мужику на соседнем месте. Тот что-то неразборчиво бурчит в ответ.

На время взлета свет в салоне выключается и только оранжевые лампочки горят над пассажирами. Свет не включают во время полета. Я не притрагиваюсь к своей порции кофе с паштетом и смотрю в иллюминатор на крутящийся пропеллер турбовинтового двигателя, мелькающий в окружающей плотной тьме. Больше там ничего не видно. Самолет только что поднялся над облаками с мокрым снегом и меня беспокоит возможное обледенение. Так происходит много катастроф.

Интермеццо 1. Памяти Джекки Коллинз

Ремингтон Стил проснулся в своей роскошной кровати в своем роскошном пентхаусе на вершине 126-этажного небоскреба в элитном районе и, зевая, почесываясь и потягиваясь, зазвонил в колокольчик у изголовья огромной роскошной широченной 30-футовой постели. Вскоре в роскошную спальню, отделанную роскошным венецианским мрамором и барочными барельефами с роскошными позолоченными херувимами, с двумя стоящими, подобно стражникам, ангелами у входа по обе стороны от огромной роскошной двухстворчатой двери из американской секвойи и мореного дуба, высотой в 20 футов, вошла заспанная Консуэла, в своем черно-белом наряде горничной, с щеткой для пыли и пульверизатором в руках. Пальмы за окном качались, казалось, в такт с шумом океанского прибора.

– Грасиас, сеньор!

– Консуэла, доброе утро! Приготовь мне джакузи, будь добра, и побыстрей. И потом, скажи мне: оно встало?

– Си, сеньор. Оно принимает ванную. Я сейчас же займусь вашим джакузи, – проговорила горничная.

Ремингтон подошел к огромному окну. Рассвет вставал над городом и небоскребы как будто нежились в ярких лучах

мягкого солнечного света. Он подумал о любви, об их любви, которая была такой яркой в начале и стала такой мрачной сейчас и о тех, казалось бы, давно забытых чувствах, что пробудила в нем молоденькая восемнадцатилетняя Патриция Дорси. Такая молодая, и все же такая талантливая, и красивая, с лицом лани и глазами смеющейся кошки, телом Афродиты... Такая не такая, как его супруга, жена, миссис Эвелин Стил, в девичестве Уоллес, актриса. Кинозвезда. Суперзвезда. Жена. Эвелин Уоллес. Дерьмо высшего класса. Миссис Эвелин Стил.

Как жаль, что уже нельзя так просто взять и вернуть все назад, все то, что было между ними в первые годы брака, в те дни, когда успех вез их в ослепительно сияющей золотой колеснице роскоши, славы и благополучия, достатка и желания. Конечно, и тогда было то, с чем приходилось бороться, но ведь это именно то, за что и должен сражаться мужчина – любовь любимой женщины, обуреваемой тысячами, или даже миллиардами, как было в год выхода первого сезона «Хьюстона», поклонников. Но он принимал это тогда, ведь она была его и только его, а не тогда, когда уже не только его, а его и того мерзкого пластического хирурга, Ганса Штолля, который перетрахал, кажется, всех своих клиенток, а потом еще его, Ганса Штолля и того теннисиста, после чего его, Ганса Штолля, теннисиста, регбиста, дантиста, массажиста, юриста, таксиста, саксофониста, эксгибициониста, вуайериста, гольфиста и еще многих других, а потом уже только

тех, других, а не его. Тогда уже перестал принимать. С тех пор прошли годы. Она стала одержима своим телом, одержима мыслью о том, что у нее, невероятными усилиями, вопреки природе, вопреки здравому смыслу, получится сохранить его навсегда, навсегда остаться молодой и упругой. Напрасные надежды, погубившие многих. С другой стороны, иногда думал Ремингтон, почему же человек не может мечтать о самом прекрасном, что есть на свете... Красота уходит, красоте не успеваешь объяснить, как ее любишь, красоту нельзя удержать, и в этом – единственная печаль мира. Но какая печаль? Не удержать этой скользкой, тающей красоты никакими молитвами, никакими заклинаниями, как нельзя удержать бледнеющую радугу или падучую звезду. Я люблю красоту, подумал Стил, я люблю ее больше всего на свете, я стараюсь впустить ее в свою жизнь хотя бы ненадолго, прикоснуться к ней, насладиться каждым мгновением от встречи с красотой и навсегда оставить ее в своей памяти. Нельзя с ней остаться навсегда, даже надолго, не получается никак, она вылетает из рук как быстрая маленькая птичка, как тот яркий желтый попугай, что однажды залетел к нам в дом, проливается как вода сквозь пальцы, но ведь воду можно зачерпнуть не раз и не два, да, пожалуй, и из разных источников – так зачем же оставаться всегда с одним и тем же ведром воды – ибо в нем она неизбежно помутнеет, загрязнится, испарится...

Миссис Эвелин Стил вскоре покинула их пентхаус, отпра-

вившись на утренний массаж шиацу на бульваре Сансет. Ремингтон прошел в огромную гостиную со множеством пуфиков, кресел, диванов, статуй рыцарей, икон, золотых слоников и ангелочков, отделанную барельефами из красного дерева, изображающими сцены псовой охоты, где грохотал огромный телевизор с последними новостями из мира звезд (а после него началось шоу о салат-барах и педикюре), снял трубку телефона и задумчиво покрутил ее в руке. Глаза его были устремлены куда-то вдаль, а может быть, и наоборот – куда-то внутрь себя, в глубину своей трепещущей и изнашивающей от сладкого предвкушения души. Он набрал номер Патриции. Консуэла возилась где-то на заднем плане, протирая пальмы в огромных кадках и огромные шары в передних лапах огромных золотых львов, то попадая в яркие лучи софитов, то пропадая во мраке за сценой.

– Алло! Вы позвонили Патриции Дорси! Если вы хотите предложить мне роль, звоните моему агенту Ричарду Хершу на номер 525-777-7777! – автоответчик миленьким голоском Патриции отчеканил каждую цифру в номере.

Ремингтон задумался. Он не любил Ричарда Херша. Мерзкий педофил. На студии ходили слухи, что и педофилофил или даже педофилофилофил – он не брезговал и теми, кто любил таких, как он сам, так и теми, кто любил таких, как те, которых он любил, большой убудодок. Ремингтон вспомнил свою первую ночь с ней, с восемнадцатилетней Патрицией Дорси, восходящей звездой. Она оказалась

девственницей. Это было невероятно. После 10 лет в Голливуде и 5-ти мужей!

– Привет, Патриция. Это Стил. Детка, сегодня мы можем увидеться. Приезжай в «Баркадию» на 5-й аллее сегодня в 7 часов вечера. И надень высокие каблуки. Мне нравятся высокие каблуки, – Ремингтон повесил трубку.

Он скинул свой леопардовый халат, прошел комнату с хамамом и домашним солярием, вошел в шубохранилище, облачился в легкий белый пиджак и запрыгнул в красный «Феррари». Дверь гаража поехала вверх и через 5 минут он уже мчался по шоссе, обгоняя неспешные фургончики и желтые школьные автобусы. Его волосы цвета спелой пшеницы развевались на жарком ветру, темные солнцезащитные очки сверкали, ослепительно горел золотой «Ролекс» на загорелом запястье, поросшим жесткими курчавыми волосами шоколадного цвета. Ремингтон подъехал к своему агенту Мо Шиденбауму и зашел в офис «Юниверсал Фокс», минуя огромные стеклянные двери и секретаршу, скрытую огромным аквариумом, полным застенчивых золотых стерлядок. Секретарша изящно управлялась с костяной ложечкой, подавая белужью икру из вазочки работы Фаберже.

– Привет, мистер Стил! Выглядишь все также шикарно!

– Привет, Мо! Есть че?

– Для тебя, мой дорогой Ремингтон, у меня есть лучшая роль, о которой только может мечтать суперзвезда твоего класса.

– Ты меня заинтриговал, Мо, – сказал Ремингтон и спустил на нос огромные солнцезащитные очки.

– Это новый фильм из серии о непобедимом суперагенте мистере Смите.

Ремингтон заерзал плечами.

– Боже, Рем, ты только послушай название! – воскликнул Мо, – оно поразительно круто! Это невероятный хит! Я вижу огромную кассу!

– Итак, – протянул Ремингтон вопросительно.

– «Умри сегодня навсегда, но не прямо сейчас, а потом, но скоро»!

– Неплохо, – сказал Ремингтон, – мне нравится. Я вижу потенциал. Публике понравится.

– Конечно, – радостно сказал Мо, – мистер Смит не может проиграть или умереть. Он всегда с нами. Он часть нас. Он – актив общества, общество не может потерять его. Истинный народный герой с привкусом британского аристократизма. Это тебе, черт возьми, не «Матрица»! Конечно, будут и напарники – черная одноногая трансгендер-лесбиянка, которую сыграет Скала и Майкл Фассбендер в роли шефа мистера Смита, Нельсона Манделы. Потом еще тот парень из спин-оффа «Железного паука – 3: Мести в воображении»...

– А кто режиссер? – Ремингтон прервал восторженный поток Мо.

– Новый парень в этом деле, но, говорят, талантливый. Наш мексиканский друг. Тоже восходящая звезда. Спилбер-

го, ты, наверное, слышал?

Ремингтон поморщился:

– Ты же знаешь, я не очень доверяю новичкам.

– Это очень талантливый новичок, Рем. Все боссы на него ставят.

– Боссы много на кого ставили. И где они теперь?

– И все же, каков твой ответ? Ты в деле?

– Конечно, Мо, я всегда в деле.

– Ну вот и отлично! Соберись, дружище! Ты в последнее время сам не свой. Что случилось? Эвелин опять чудит?

– Нет, Мо. Мне кажется, я немного сбился с пути. Мне кажется, Эвелин никогда не была тем человеком, который мне нужен. Я хотел бы быть как ты, но...

– Но?..

Глядя в окно, Ремингтон говорил:

– Знаешь, иногда я думаю о тебе и Эдне... Я тебе завидую, потому что у тебя есть кто-то один. Один и тот же человек все эти 30 лет. Ты с ней просыпаешься, ты с ней спишь, ты с ней ешь, занимаешься любовью с одной и той же женщиной. Вы каждый раз просыпаетесь вместе. А я шляюсь с какими-то 20-летними, которые хотят только веселья и дешевого секса, секса, секса... Девки, которые не могут сказать «нет», которым вечно мало, вечно надо еще и еще, и еще, «теперь ты надевай наручники», господи, сколько раз я это слышал, а я, я просто хотел любви, всего лишь хотел, чтобы меня любили, Мо... – Ремингтон снова посмотрел на Мо. У

того изо рта шла пена. Заметив взгляд Ремингтона, Мо быстрым движением вытер пену рукавом пиджака и произнес:

– Ничего страшного, Рем, старина. Уверен, ты еще найдешь любовь всей своей жизни.

– Ты знаешь, Мо, дружище, мне кажется, что я уже нашел ее... – сказал Ремингтон, выходя из кабинета.

Ремингтон прошел мимо секретарши Мо и запрыгнул в свой «Феррари». Он мчался на свидание с ней, с Патрицией Дорси. С новой суперзвездой. С актрисой из «Потемок», кумиром подростков во всем северном полушарии. Ее милое эмоциональное лицо, на котором равно играли радость и печаль, обладающее совершенной красотой, 18 лет, идеальное тело. Сегодня она станет его.

Он уже входил в огромные двери «Баркадии» из красного дерева и мореного дуба.

Она уже сидела за своим столиком у огромного окна.

– Привет, детка, – Ремингтон поцеловал Патрицию в щеку, а она ответила долгим страстным поцелуем. В свете заходящего солнца седина на висках Ремингтона казалась снегом с вершины Эвереста.

– Ты опоздал, – надувая губы, произнесла Патриция.

– Детка, ну не надо дуться, не порть наших редких встреч.

– Ты знаешь, Макс тоже всегда опаздывал.

– Старина Макс Фактор.. Отличный парень, что и говорить! Он неплохо сыграл в той телеверсии «Отверженных».

– Ты же прекрасно знаешь, что Макс Пауэр, а не Макс

Фактор, был моим вторым мужем. Это был прекрасный, сильный мужчина, с благородной сединой на висках, подобной снегам Антарктиды, решительный и гордый, который всегда знал, что хотел и брал, что хотел. И говорил, что хотел. Каждое его слово было для меня законом... Впрочем, у нас не так и много времени было на разговоры. Большую часть нашего времени мы занимались делом и он был очень силен в этом плане. Словом, он, безусловно, обладал всеми теми достоинствами, которых не достаёт тебе... – сильно и страстно говорила Патриция и глаза ее вспыхивали изумрудным огнем, когда она произносила имя Макса...

– Ни один из них, пришедших до или потом – ни Фонзи Гаррет, который был первым, ни Билл Дьюк что был третьим, ни Каддилак Форд, ставший четвертым, не могли и близко сравниться с Максом... Макс... Макс Паэур был особенном человеком, – продолжала Патриция.

Ремингтон внимательно слушал, ловя каждое ее слово, ни пропуская ни одного звука, исходившего из ее безупречно очерченного рта, ярко-алого от губной помады «Диор»...

– Почему вы расстались? – проговорил он тихо и хрипло.

– Рак отнял его у меня, – продолжала она свою грустную историю, – Я... Я не могла смотреть, как он уходит, как он становится все слабее. Но он смог преодолеть это. И не простил меня, не простил мое предательство. Он ушел... к моей сестре Мейбилин, – слезы как хрустальные льдинки засе-ребрились у нее на глазах.

– О, Патриция! Ты не виновата. На твоём месте так поступили бы многие женщины, но ты вела себя мужественно. У тебя не было выбора. Неужели он не понимал этого?

– Он так и не простил, не простил – она говорила все тихше.

Ремингтон вдруг почувствовал острую жалость к этой женщине. Что будет дальше между ними? Неужели это именно то, чего, казалось, он так и не изведal, несмотря на все эти мимолетные интрижки с молоденькими шлюшками, которые могли дать молодое тело, но ни разу еще не дали то истинное сродство душ, то ощущение искренней близости, воспетое его собственными героями в его собственных мелодрамах? Солнце садилось в море над террасой, огромные лимузины развозили последних гостей, а они все сидели и говорили. И кажется сами звезды рыдали...

...Пум пум пум тын тын тын ту ту тун.

Звенит будильник. Я привстаю на огро... блять, на диване.

В присутствии

В Петербурге, в Петроградском районе, на короткой и уютной улице Чапаева, в здании бывшего балалаечного завода им. А.В. Луначарского, расположились присутственные места по вопросам государственного оформления прав на недвижимость в Ленинградской области. Российское присутствие XXI века, кадастровая палата Управления Федеральной Службы Государственной Регистрации, Кадастра и Картографии, очень похоже на известную иллюстрацию начала 1910-х годов об устройстве капитализма в виде пирамиды: мы работаем для вас, мы охраняем вас, мы судим вас, мы управляем вами. Первый этаж присутственных мест – сущий ад. Зал с грязными стенами, обшитыми убогими пластиковыми панелями, имитирующими дерево, несколько банкоматов для оплаты государственных взносов, ряды обшарпанных стульев, будто взятых с автовокзала. Очередь, очередь, постоянная очередь в любые часы работы, ее нельзя сделать меньше даже с помощью электронной регистрации и бумажных билетиков, которые выдает специальный автомат. Очередь состоит по большей части из озабоченных, напряженных, нервных пенсионеров, хлопочущих о своих дачных участках. С другой стороны, в крошечных окошках прячутся девушки, принимающиеё одного пенсионера за другим, с 8:30 утра до 19:00 вечера. Зимой пенсионеры занима-

ют еще больше места в своих объемных пальто и синтепоновых куртках. Летом, в дачный сезон, они беспокоятся больше обычного, они не понимают девушек с первого раза, девушек, которые и сами не всегда понимают, что говорят они и что говорят им.

Ад первого этажа сменяется вторым этажом. Здесь два огромных зала забиты маленькими квадратными ячейками из ДСП, в которых группа учета производит первичную обработку всех поступающих снизу документов. Изможденные клерки с зарплатой в 30 тысяч перекладывают горы старых, советских и современных бумаг по недвижимости, земельным участкам и квартирам, всматриваются в слепые ячейки бесконечных экселевских таблиц на дешевых квадратных мониторах Dell.

Третий этаж не имеет людей. Он наполнен гулом серверов, здесь хранится электронная информация и кадастровая карта Ленинградской области с указанием типов земель и владельцев недвижимости. Сюда иногда заходят техники и системные администраторы.

Четвертый этаж работает в намного более расслабленной атмосфере, по сравнению с первыми двумя. Здесь пять опен-спейсов, занятых оценщиками кадастровой стоимости недвижимости, и, а также два зала для переговоров. Сюда не долетают звуки улицы. С четвертого по шестой этажи недавно был сделан ремонт.

Пятый этаж занимает административный аппарат, отдел

координации и анализа деятельности филиала и районных отделений, юридический отдел, отдел технической поддержки. Здесь пахнет кофе, в больших кабинетах просторно, сотрудники неспешно переходят из кабинета в кабинет. На маленькой кухне несколько черных офисных кресел разного фасона за чашечкой кофе обсуждают новые хромированные колесики новенького высокого стройного кресла. Беседа прерывается заразительными взрывами смеха полного коричневого кресла, старого, но влиятельного, и все остальные кресла и стулья почтительно замолкают в это время.

Передо мной открыты все пути и социальные лифты. В руках у меня – все инструменты для развития таланта. Надо начать с себя. Когда я бываю на 1-м и 2-м этажах, то успокаиваю себя тем, что работающие там люди живут хуже меня. И я понимаю, что у меня в жизни все не так уж плохо и нет поводов для грусти.

Светлый и комфортный шестой этаж, оборудованный там, где до революции находился чердак, занимают приемная и кабинет директора, кабинеты пяти его заместителей.

Роды коровы

Сегодня в «Трубе»: «Слоны, бегемоты, крокодилы, землеройки: обновлён список животных, которых россиянам нельзя держать дома». Необходимо провести пресс-конференцию по вопросам изменения и *донастройки* налога по кадастровой стоимости. Налог взимается с владельцев недвижимости по определенной формуле от кадастровой стоимости их жилья и земельных участков. Эту стоимость, как и формулу определяет государство – специальный отдел в управлении. Приглашены журналисты деловых изданий и корреспондентов пары изданий по недвижимости. Телевидения нет – про налоги там не показывают. Фуршета нет. План из Москвы обязывает организовать пресс-конференцию в филиале и опубликовать не менее 10 материалов в региональных СМИ, «в целях информирования *населения* об изменениях в федеральном налоговом законодательстве». Выступают директор филиала и первый зам, начальник отдела кадастровой оценки недвижимости. В перерыве я беседую с двумя знакомыми журналистами.

– «Лайф», «Лайф» мне нравится. Правда, сейчас он хуже стал. Я его раньше ценил за то, что там во время всяких катастроф всегда список жертв первыми выкладывали и часто еще с возрастом. Интересно всегда узнать, кто погиб. Но сейчас этого нет. Наверное, гонорары добровольным корре-

спондентам сократили, – говорю я.

– «Лайф» уже несколько дней ведет стрим рожающей коровы, – говорит Куликов из «РБК».

– Что за прикол? – спрашивает Иванов из «Коммерсанта».

– Тупо стоит корова. У них роды несколько дней длятся и «Лайф» это транслирует, – говорит Куликов, отпивая воды из пластикового стаканчика.

– Видал, – говорю я.

– Корову?

– Что корову? Причем тут корова блять, – говорит Иванов.

– «Лайф» транслирует, – говорю я, – захожу, корова рожает. На следующий день еще одна.

– Это та же самая, – говорит Куликов.

– Думал разные, – говорю я.

– Нет, та же.

– А в чем хайп? – спрашивает Иванов. – Типа сх поднимаем?

– Хуй знает. Думаю, какой-то прикол будет. Может быть из её вагины вылезет какая-нибудь реклама, – предполагает Куликов.

– Это постмодернизм, – говорю я

– Может Навальный родится? Как Эйс Винтура из носорога, – шутит Иванов.

– Кофеварка «Редмонд», например, – говорит Куликов.

– Кофеварка «Ремингтон»... – бормочу я.

– Или квартира-студия в Новом Оккервиле, – говорит Куликов.

– Вчера там рожала свинья.

Перерыв заканчивается. Мы возвращаемся в зал. Я проверяю микрофоны. Батарейки заряжены. Звук работает. Все в порядке.

...Да, согласно закону у девелопера появилась возможность не заказывать 500 технических планов, для того чтобы поставить на учет все квартиры в многоквартирном доме, достаточно одного техплана на весь дом, но к сожалению, на данный момент воспользоваться этой нормой закона нет возможности...

Конференция продолжается. Люди оживлены. Вопросы налоговой политики в сфере недвижимости вызывают все больший интерес в обществе.

– Я все-таки еще раз повторю, что все вопросы кадастрового налогообложения должны решаться в рамках правового поля с участием представителей федеральной налоговой службы, – кричит очередной чиновник. Встает пожилой директор геодезической фирмы:

– В какое правовое поле вы вернулись? Каждый второй работодатель платит зарплаты «в серую». Жалобы на таких работодателей анонимно не принимаются. Таким образом вы ставите людей перед выбором – жалуйся, но тебя уволят. Вы нагло и хамски переложили ответственность за невыплаты или серые выплаты зарплат ни и без того бесправных лю-

дей.

– Позвольте, это все-таки федеральный вопрос и не к нам, а к налоговой, – пищит зам директора. – Давайте не отклоняться от темы недвижимости, коллеги.

– Я ко всем вам!

– Коллеги, давайте не отклоняться от формата... – пытается сгладить другая зам.

Предприниматель не слушает:

– Где вы видите в данном формате вашей работы «правовое поле»? Ваше правовое поле – это когда олигарх сын прокурора и корги вице-премьера засекречивают свои дворцы в реестре прав собственности на недвижимость, прячутся за кодами типа ЛДУЗ или ЯФУ9, ваше правовое поле – это Керимов, который выводит из страны 400 миллионов долларов, а его арестовываете на вы, а прокуратура Франции. Ваше «правовое поле», это выведенные из страны 1,5 трлн долларов за последние 20 лет. Вы 28 лет не в состоянии внедрить прогрессивный налог якобы по причине «невозможности его собрать», продолжаете абсолютно нагло грабить и без того нищее население РФ, в то время как несколько процентов купается в роскоши. Это по вашему «правовое поле»? Это характеризует вашу работу как «успешную»? – он садится. Все молчат.

Я размышляю над тем, стоит ли мне, бюджетнику-нищелюбу, так уж стоять за это государство? С точки зрения этики и должностной инструкции я должен прямо его защищать

в таких вопросах, как этот. Должен ли я голосовать так как прикажут? Буду ли защищать это в критический момент? Готов ли я умереть за яхту Сечина? Лучше умереть за яхту Сечина, чем жить ради себя.

Розовая гадость

– Привет, ты еще в управлении? Есть проект один рекламный, – спрашивает Манохин.

– Уже полтора года как ушел, – валяясь на диване, отвечаю я.

– А до того где-то в производстве был? Между управлением и этим?

Я чувствую желание поболтать:

– Не совсем, скорее, в промышленном проектировании. Фирма взялась за строительный генподряд и пиздец. Набрали авансов несколько миллиардов, не сделали ни хуя, оборудование и станки не закупили из-за санкций, все в судах, все требует денег обратно, а их нет, – рассказываю я. – Должны были 3.5 ярда, а сами жили за счет кредита «Сбера» на полтора. Заказчики, кстати, все микроэлектронка оборонная. За страну страшно. Короче, долго это не могло про...

– А щас ты где? – Манохин останавливает мой пиздеж. – Кстати, давно не виделись. Надо сходить в бар как-нибудь.

– А сейчас в нефтегазовом сервисе. Мы более положительным делом занимаемся, – я делаю паузу, поправляя подушку. – Но если есть работа, я готов. Могу рекламировать все что угодно. Лучше B2B конечно, – подумав, говорю я. – Разумеется, я эффективно справлюсь с этой зада...

– А сейчас строительство или проектирование? Мне про-

сто нужен человек по теме для завода одного, – перебивает Манохин. – Мне кажется, это по твоей теме. Сходи на встречу, я тебе контакты на почту отправил. Та заводская проходная, что в люди вывела меня!

Я смеюсь и соглашаюсь.

На проходной у заводских корпусов дежурит строгая интеллигентная дама в очках. Я подхожу к окошку перед турникетом.

– Паспорт.

Я передаю паспорт и говорю:

– Вы не подскажите, как пройти на завод «Розовая дрянь»?

– Сразу направо, прямо до конца, потом в цехах увидите, – говорит вахтерша, не глядя на меня.

Она возвращает мне паспорт с неким запечатанным письмом.

– Письмо передайте им.

– Эээ, ну ладно. А вы что?

– Сама я туда не хожу. Боюсь.

– А что там? – испуганно спрашиваю я. – Собаки?

Приспустив очки, она смотрит на меня: – Лед. Скользко.

– Ладно, – говорю я, забирая письмо.

За шлагбаумом между стеной и сараем – двор из разбитых бетонных плит, еще одна проходная, еще несколько металлических сараев, один из них вплотную примыкает к массивному пятиэтажному заводскому зданию советского вре-

мени с огромными грязными окнами. Из здания выезжает погрузчик и выходят несколько гастарбайтеров. Поминутно созваниваясь и узнавая путь, я прохожу через зал на первом этаже, в котором стоит острый запах хлорки, открываю ржавую металлическую дверь, поднимаюсь по лестнице, на которой страшно воняет табаком, прохожу в другую сторону через еще один зал, в котором рабочие в респираторах возят тележки с белыми пластиковыми канистрами, в которых видна розовая жидкость. Очень грязно. Не стоило так наряжаться. Машина разливает жидкость в бутылки на конвейере. Я прохожу этот зал и открываю еще одну железную дверь. За ней лестница, ведущая в еще один цех, после которого в другом углу цеха – очередная дверь и лестница, и я попадаю в то, что здесь называется офисом.

Меня встречает наиболее жирная женщина из когда-либо существовавших. Пикантность ей придают усы. Она похожа на Ведьму пустошей из «Ходячего замка».

– До вас непросто добраться, – дружелюбно говорю я
– Да... мы... высоко... забрались, – тяжело дышит она
«Интересно, как она сюда попадает без лифта? Или тут крюк для рояля снаружи здания, как в Амстердаме?» – размышляю я.

Сумоистка семенит в кабинет. Я иду за ней.

Грохнувшись в огромное кресло, скрипнувшее от нагрузки, она некоторое время приходит в себя. Я думаю о том, что если кинуть в нее ручки из стакана на столе, они будут

вращаться вокруг. Уровень воды в заливе повысился. И это не нагонная волна. Это прилив. Я терпеливо жду. Галилей был не прав.

– Вы... вас нам порекомендовали на... ши партнеры с Киров... ского завода. Я видела вашу работу, вполне приемлемо...

– Спасибо. А вам что нужно, сайт и буклет?

Она принимается рассказывать о продукции завода, хотя это не имеет никакого значения. Завод может производить все, что угодно – ватные палочки, мыло, спагетти, черенки для лопат, массу с запахом гуся или сырнй продукт. В действительности завод производит реагенты против гололеда и обледенения, которыми поливают улицы зимой в Москве и Питере.

– Сколько-сколько? 10 тысяч за 35 страниц? Мало, – через несколько минут диалога уточняю я.

– А сколько хотите?

– Минимум 15, – больше от нищелродов все равно не получишь. – И за сайт не меньше 50, – добавляю я.

– Нет. Мы считаем, что такая работа столько не стоит, – жестко отсекает дама.

– Что ж, всего хорошего, – говорю я с облегчением. – Кстати, – вспоминаю я. – Вам письмо с ресепш... с проходной передали.

– Спасибо, – сопение.

Выбравшись из производственного корпуса, я едва не по-

скальзываюсь на обледеневших неровных бетонных плитах
– Вы бы поосторожнее, молодой человек. Так и шейку
бедрца сломать можно, –предостерегает водитель погрузчика.

Знакомство с телками в баре

– Тиндер это лучшее, блять, что случилось с индустрией мобильных знакомств за 10 лет. Мы наконец-то получили приложение, которое способно...

Я киваю.

– ...Способно дать нормальных телок, понимаешь? Просто матч, матч! Совпадение и все. И вот понимаешь на выходных я там подцепил такую прикольную телочку с розовыми волосами.

– У меня там от няшек матчей не дождешься. Одни жирухи и милфы матчат. С розовыми, ее случайно не Саша зовут?

– Не.

Мы сидим за барной стойкой в не лучшем баре «Брюгге». Очередная поделка под Бельгию. Я пью Ардэнн Сэзон, а потом крепкое 13-градусное пиво Ля Трапп Квадрупель. Мы сидим и пьем пиво просто так. Закуски дорогие, даже гренки. Манохин одет в клетчатую рубашку навыпуск, воротник застегнут на все пуговицы, волосы зачесаны назад, усы с бакенбардами – все это делает его похожим на американского реднека-бандита из фильма «Выстрел в пустоту». Через час ему нужно идти на какой-то рэперский концерт в клуб MOD. Я невнимательно слушал, поэтому не помню исполнителя. Я хочу попросить посмотреть фотку этой телки с розовыми волосами, но задумываюсь об Алисе из «Фиалок», у которой

тоже были розовые волосы и забываю об этом.

...в общем выпили мы джина и так далее, потом поебались, но я блять такой пьяный был что даже не кончил. Но проблема в том что я в нее без гандона.

– Ну ты даешь. В стране эпидемия СПИДа блять, – замечаю я, смотря на симпатичную блондинку (то есть брюнетку) за барной стойкой и думая, что еще мне сейчас выпить.

– Я сдал кровь в Invitro два раза и у них есть возможность сдать кровь на ЗППП...

Две телки, брюнетка (то есть блондинка) с ярко красными губами, ярко черными волосами, смуглая и с не очень большими сиськами и шатенка с не очень большими сиськами и аккуратным носиком проходят мимо нас. Идя в моем направлении, брюнетка улыбается так, что видны все передние белые зубы, ее улыбка идеальна, так улыбается Том Круз.

– Кому она так улыбалась?

Я оглядываюсь, но сзади меня за столиком пусто, а дальше за ним – уже стена и даже нет окна. Телки возвращаются обратно за свой столик, их плохо видно, потому что они сидят в глубине другого зала. Я насчитываю четырех телок и одного чувака.

– Может все-таки нам?

Мы сидим и пьем пиво. Мы уже достаточно выпили.

– Есть у вас ручка? – спрашиваю я официантку, мельтешащую рядом.

– Вас как зовут? – говорит Манохин.

– Катя.

– Екатеринаа..ана, дайте пожалуйста ручку и салфетки, – говорю я.

– Катя, Катя, – фамильярно обращается Манохин к официантке, – дайте ручку, пожалуйста, и салфетки.

Моим долгом является написать на салфетке.

Я пишу: «Это не вам не нам вы так лучезарно улыбались? Письмо с барной стойки».

Катя передает нашу записку.

Через пару минут возвращается ответ, написанный красной ручкой: «А может быть и вам?».

«Что отмечаете?» – пишу я на следующей салфетке.

– Мы отмечаем открытие нашего ателье, – говорит нам подошедшая к нашей стойке та самая яркая брюнетка (или блондинка). Она похожа на Скарлетт Йоханссон или на Киру Найтли.

– Круто, поздравляю. Что будете шить? – я не знаю, кто это спрашивает.

– На данный момент предлагаем дизайнерскую одежду в Санкт-Петербурге: пальто, комбинированные, офисные и классические платья, женские жилеты. В нашей коллекции пальто из жаккарда, прямое пальто, верхняя одежда с капюшоном и воротником, пальто из кружевного трикотажа и др. Посмотреть цены на созданные нами новые модели одежды, поделиться впечатлениями, оставить отзыв вы сможете, по-

сетив страницу в ВК или Instagram. У нас гарантия высококачественного пошива и применяемых материалов. А если вы не обнаружите необходимый размер или цвет, то выполним работу на заказ всего за 3 дня по индивидуальным меркам и пожеланиям.

– Это просто замечательно. Жаль, но мне надо вас покинуть, но сейчас мне надо на концерт Nadja в MODe, но потом я могу вернуться, – говорит Манохин.

– Я могу пока с вами посидеть, если у вас там не слишком личная компания и место есть, – говорю я.

– Возвращайтесь. А вы присоединяйтесь к нам. У нас там не очень личная компания. У нас там некоторые только сегодня на открытии познакомились, – говорит блондинка (или брюнетка).

Я прохожу с красивой брюнеткой во второй зал сажусь за стол по центру. С одной стороны красивая брюнетка, с другой шатенка, есть еще одна телка и чувак примерно нашего возраста, а также некая азиатка лет 25. Мне всех представляют. Красивую блондинку, с шикарной улыбкой и отличной фигурой зовут Лиза, остальных как-то еще.

– А тебя как? Перейдем на ты, ничего? – обращается ко мне одна из телок.

– Конечно, давай на ты. Леопольд. Или Джейкоб.

– Да ладно, правда чтоли?

– Да нет, я шучу. Какие там еще фламандские имена есть?

На самом деле я...

– Вы уже решили, что будете заказывать? – спрашивает Катя.

Некоторые уже решили, но я в числе тех, кто еще не решил.

Следует стандартный набор вопросов про работу и т.д. Я коротко рассказываю, что являюсь офисным планктоном «в сфере рекламы, но в одной не рекламной фирме, в которую устроился недавно, вернее это типа рекламный отдел большой компании, которая на подряде у всяких нефтегазовых корпораций», что вызывает некоторый интерес, т.к. их только что открывшемуся малому бизнесу, возможно, пригодится реклама, на что я замечаю, что занимаюсь только B2B, а не B2C, но все равно даю им визитки.

Я снова листаю меню. На обложке коллаж в виде короля Леопольда II.

– Вы знаете, кто это? – обращаюсь я к симпатичной телке, сидящей напротив Лизы.

– Нет, кто?

– Король Леопольд II.

– Какое интересное имя, прямо как у кота. Фламандское?

– Вероятно...

В это время Лиза и подружки обсуждают состоявшееся открытие выставки одежды в их ателье. Музыка в баре играет не слишком громко и можно нормально разговаривать.

– Король Бельгии.

– Ой, вот только не надо опять про этот экзамен, 100 лет

назад было, – она отвлекается на комментарий своей подружки.

– Так вот, – я пытаюсь продемонстрировать свое знание статей из Википедии, которое сейчас можно назвать эрудицией, – он интересен тем, что устроил страшно жесткую эксплуатацию колоний Бельгии. Бельгийское Конго по какой-то хитрой схеме вроде как считалось чуть ли не частным владением короля.

– А в чем жестокость?

– Ну, пока в Европе не начали массово выпускать шины для карет и велосипедов, в Конго негров особо не прижимали. А вот когда вырос спрос на резиновые изделия, оказалось, что в Конго огромные запасы каучука, из которого тогда делали резину.

– Ты как-то очень издалека рассказываешь, – она хихикает, листая страницы меню.

– Я объясняю, что это он не со зла. А из экономических интересов. Конъюнктура рынка так сложилась, что стало очень выгодно торговать каучуком. Прямо как нефтью сейчас. Тогда его добывали вручную из деревьев. В общем, всем неграм в Конго установили нормы сдачи каучука, и кто в сутки ее не выполнял, тому отрубали руку, сначала одну, а потом другую. Отрубленные руки потом требовали как проф, за них охотникам за неграми премии давали.

– Ужас, вот наверное за это негры нас и ненавидят.

– Мы же не бельгийцы, – вмешивается Лиза.

– А какая разница? Все равно белые, – говорит тот чувак.

– Да, у них там на Западе комплекс вины у белых сильно развит. И СМИ подогревают еще, – говорит та телка.

– Сам король, кстати, в Конго ни разу не бывал, – говорю я.

– Надо больше книжек читать. Не знала этой истории, – говорит Лиза.

– Это из интернета, – говорю я.

– Ты знаешь, моя любимая книга – это меню, – говорит Лиза.

Я заказываю говяжью щеку с пюре из пастернака. Блюдо меня разочаровывает – оно кажется наебательским и вообще не сильно отличается от еды в столовой офиса. После того, как я его съел, выпив еще один бокал пива, Лиза спрашивает:

– Ты куришь?

– Нет. Но могу составить тебе компанию, – подавляя подступившую отрыжку, говорю я.

– Давай.

Мы берем пальто в гардеробе и выходим на улицу. На выходе из подвала, в котором расположен бар, стоит скамейка, сидеть на которой уже холодно. От реки несет холодом.

Лиза закуривает и картинно выпускает облако дыма, которое сносит ветром мне прямо в лицо.

– Бармен тут знакомый моего приятеля, – говорю я, чтобы что-то сказать.

– У меня тоже есть один знакомый бармен. В одном ба-

ре на Некрасова. Приятель моего бывшего, – отвечает Лиза после затяжки, – ты, кстати, немного на него похож. Но наверное, не такой мудака. Хотя мне почему-то мудаки больше нравятся.

– На кого похож, на бармена? – оживленно спрашиваю я, хотя на самом деле знаю ответ.

– Нет, я про бывшего, – говорит Лиза.

– Покажи фотку, – не слишком решительно требую я.

Она показывает фотографии в Instagrame.

«Нихуя я не похож на этого хуя» – разочарованно думаю я. – Он был пониже тебя, – говорю я.

– Был? Да он и сейчас жив вроде. Да, мелкий довольно-таки, – говорит Лиза, стряхивая пепел.

– Я люблю высоких девушек. Чем выше, тем лучше. У меня самая высокая была 188. Повыше меня. Но хотел бы еще выше. Какую-нибудь баскетболистку, – мечтательно говорю я. – На три сантиметра, – подумав, добавляю я.

– Знаешь, не все такие. Некоторые комплексуют, я имею в виду парней. У меня подругу один заставлял...

– Не носить каблуки? – догадываюсь я.

– Ага, – она снова затягивается. Я смотрю, как дымит сигарета.

– Очень жалко, – говорю я.

Я вспоминаю, как одна знакомая шлюха-волейболистка ставила в анкете 170 см, хотя сама была 186 – объясняя это тем, что иначе можно отпугнуть клиентов.

– Одна моя знакомая на сайтах знакомств выставяляла рост 170, при настоящем в 186. И специально приходила на свидания на каблуках, – вру я.

– Неплохой троллинг. Красота понятие относительное – неожиданно изрекает Лиза, потом резко встает лицом ко мне и спиной к реке, фотографируя себя на фоне реки и зданий на других берегах. Она снова садится на скамейку и продолжает: – Терпеть... не могу когда человека воспринимают только по внешности. Без учета внутреннего мира, – все это время она снова смотрит на реку. – Красивая подсветка – объясняет Лиза.

Я молчу.

– Но я не согласна, что у красивых женщин нет внутреннего мира. Будто они пустышки какие-то, – говорит она, кажется, вполне искренне.

– Не согласна? – спрашиваю я.

– Красивой женщине может еще сложнее приходится. Мужчин бесит, что она не их. Подругам, что они не она, – говорит Лиза.

– Ты что-то стала говорить больно пафосно. Так говорят вожди индейцев.

– В общем, потому и феминизм, так-то, нормальная идеология. Потому что это свобода и отрицание субъектности. Чтобы ко всем девушкам относились ровно. Независимо от внешности, равноправие, – резко повернувшись в мою сторону, говорит Лиза.

Подавляя еще одну отрыжку, я говорю:

– Я тебя в этом могу поддержать. Я ультрарадикальный ультрафеминист.

– Ты не можешь быть феминистом, только профеминистом, – выпуская из ноздрей две струи дыма, как драконша из «Шрека», говорит она.

– Да? А какая разница? – спрашиваю я, хотя на самом деле знаю ответ.

– Только женщина может быть феминистом. То есть феминисткой. Быть профеминистом означает признать, что ты с рождения обладаешь рядом привилегий, зачастую неосознаваемых, и являешься членом угнетающей группы населения. Минимизировать свое участие в системной дискриминации, которой мужчины подвергают женщин каждый день, отказываясь признавать этот факт. Сделать свою жизнь максимально свободной от предубеждений и стереотипов. Не использовать женщин (это самое сложное, как я поняла).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.